

РАЗДЕЛ 5. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРОВЕДЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СМЫСЛА ЖИЗНИ И АКМЕ

Смысл жизни аркадия гайдара и его литературное наследие

О.А.Валько, г. Клин, Московская область

А.П.Гайдар прожил короткую, но необыкновенно яркую жизнь. И про себя он говорил: «У меня обыкновенная биография в необыкновенное время». Действительно, время было лихое. Родился А.П.Голиков (это его настоящий фамилия) 22 января 1904г. в городе Льгове Курской области и на его долю выпали 2 мировые войны, 2 революции, свержение самодержавия. Аркадий Петрович находился в самой гуще событий. Его родители также были участниками революций и I мировой войны. Мама, Наталья Аркадьевна, в девичестве Салькова, происходила из благородной семьи, ее отец был военным. По материнской линии она была дальней родственницей М.Ю.Лермонтова. Замуж Наталья Аркадьевна вышла за скромного учителя (он был сыном кустика), только что получившего направление в Льговскую начальную школу. Петра Исидоровича Голикова. Отец Наташи был категорически против этого брака. И даже внук, первенец, названный в честь деда, не смирил его с этим браком.

Родители Аркадия, молодые, преисполненные высоких идеалов учителя, вели разностороннюю просветительскую работу среди заводского люда. Накануне и в годы первой русской революции они активно помогали революционерам, хранили нелегальную литературу, предоставляли убежище для преследуемых подпольщиков.

Кроме Аркадия и семье Голиковых родилось 3 дочери: Наташа. Катя и Оля. Всем детям привили любовь к чтению. Из воспоминаний Екатерины Петровны Голиковой: «Часто долгими зимними вечерами мы усаживались на кушетку возле печки, Аркадий читал нам вслух книгу «Сказки братьев Гримм». Когда скачки были все прочитаны, брали большие книги, которые выписывал папа. Особенно любили мы «Великую Русскую реформу». В пси были картинки, которые заставляли нас содрогаться и с детства привили ненависть к помещикам-угнетателям, которые так жестоко угнетали крепостных крестьян». В более старшем возрасте, в 14 лет, Аркадий начал читать антирелигиозные книги, книги о революционерах Степняка-Кравченко. Они разжигали его пылкое маль-

чишеское воображение. Под впечатлением прочитанного, рано зародилась у подростка мечта о дальних странах», воплощавшаяся пока лишь в разнообразных выдумках и затеях. Отсюда и желание иметь собственный секретный шрифт, которым он заносил в дневник самые сокровенные мысли и к которому иногда прибегал даже в зрелые годы. Книга вызвала в нем и страсть к военным играм, не оставлявшая его на протяжении всей жизни.

Октябрьская революция глубоко захватила Аркадия, вселяла в него надежду на новую лучшую жизнь. Окружающее поражаало его своей новизной, героикой борьбы. С каждым днем стремительный ход борьбы захватывал все сильнее, поступки и стремления становились более дерзкими, качалось, невероятными, а жизнь действительно необыкновенной. Вопреки своим еще подростковым годам он всерьез решает вступить в 8 большевистскую партию. Намерение это представлялось настолько необычным, что старшие товарищи, несмотря на не прекращающиеся просьбы Аркадия, долгое время отказывали ему в приеме. Однако, учитывая самозабвенную преданность юноши новому строю, активное сотрудничество с организаторами Советской власти в Арзамасе и политическую зрелость, уездный комитет 29 августа 1918 г. выносит постановление; «Принять А.П.Голикова в партию с правом совещательного голоса по молодости и впредь до законченности партийного воспитания». А уже через два с половиной месяца, с честью выдержав испытательный срок, Аркадий становится полноправным коммунистом – самым молодым и истории нашей партии!» С этого момента он решил посвятить себя борьбе за лучшую жизнь на земле, за справедливость. С 15 лет Аркадий в Красной Армии сражается с белогвардейцами. «Что я видел, где мы наступали, где отступали, скоро всею не перескажешь. Но самое главное, что я запомнил, – это то, с каким бешеным упорством, с какой ненавистью к врагу, безграничной и беспредельной, сражалась Красная Армия... Голиков проявил себя способным, энергичным и поэтому ему доверили ответственные должно-

сти комиссара, ротного командира, а в 17 лет становится командиром полка. Во время гражданской войны он получил серьезные ранения, которые вынудили Гайдара уволиться в запас, но должности командира полка. Жизненный путь юного Гайдара убедительно показывает, что его приход в литературу не был случайным. Влечение к поэтическому творчеству, возникшее со школьной поры, не только не было вытеснено новыми интересами и занятиями, но, напротив, за годы службы в Армии еще больше упрочилось, питаемое величием пережитого, романтикой борьбы, пафосом побед и новизны. Судя по впечатлениям, вынесенным с фронта, Аркадий Гайдар шел по дорогам войны не просто как солдат, но как зоркий, наблюдательный, чуткий художник. Отсюда и его естественное желание рассказать, «как оно все начиналось да как продолжалось, потому, что повидать успел все же немало».

К моменту увольнения из армии Аркадий уже имел почти завершенную вчерне рукопись первого своего произведения-повести, полу чиншей название «В дни поражений и побед». Не закончив работы, он везет рукопись матери на юг, в Алупку. Мать была безнадежно больна. Сестра Гайдара вспоминает: «Аркадий вставал каждый день в 6 часов утра и уходил бродить. В 9 часов утра Аркадий приходил, выносил на руках маму на балкон, мы все завтракали, а потом он садился работать до двух-трех часов дня. После обеда Аркадий наизусть зачитывал нам все главы и отрывки из своей рукописи. А затем весь остаток дня Аркадий полностью посвящал маме. Мы уходили, они оставались вдвоем. Они были друг для друга не только сыном и матерью, они были настоящими друзьями, соратниками, единомышленниками. В эти часы уединения они правили рукопись, говорили о жизни, о главном назначении человека на земле. Мать не только помогала дельными советами, но, самое главное, своим одобрением укрепила его веру в правильность избранного пути. Дописав последние страницы, он уезжал от нее полным творческих сил и надежд на успех.

Путь Гайдара в литературу при всей неповторимости отдельных биографических фактов, в сущности, типичен для своего времени. Он принадлежал к тому поколению советских писателей, которые обратились к художественному творчеству, побуждаемые самой эпохой, обогащенные опытом, приобретенным в революционной борьбе. Не иначе как по-

братимом Гайдара называют Николая Островского. Подобно своему ровеснику из Арзамаса, шепетовский подросток в 13 лет знакомится с большевиками, помогает им в опасной политической борьбе, а после Октябрьской революции добровольцем вступает в ряды Красной Армии, не щадя себя, воюет в тех же местах, что и Гайдар, получает на фронте такую же крепкую идейную закалку и приходит с войны, переполненный неизгладимыми впечатлениями.

Во многом сходна с судьбой Гайдара боевая молодость М.Шолохова, который с 15 лет работал в ревкоме А затем гонялся за бандитами, властвовавшими на Дону до 1922 года. Со школьной скамьи включился в революционное движение на Дальнем Востоке А.Фадеев, ставший в период колчаковщины партизаном и до 1921 года сражавшийся в рядах Наро, по-революционной армии, исполняя обязанности комиссара полка и бригады.

Поначалу Гайдару казалось, что он полон творческих сил и неисчерпаемых замыслов. За короткий срок пишет рассказ «Патроны», в журнале «Звезда» публикует мерный вариант большого рассказа «Р.В.С.», намечает роман «Взрыв». Однако вскоре пришлось пережить тяжелый для начинающего литератора творческий кризис и убедиться в том, что писательская работа куда как труднее, чем ему представлялось на первых порах. Роман не пошел. Он глубоко переживал, не сразу понял, в чем причина неудачи, тем более был совершенно уверен: ему много и много есть еще о чем писать. После мучительных раздумий стало ясно: для успешного освоения профессией ему прежде всего необходимы настойчивая учеба и черновая литературная работа. Выбор пути напрашивался сам собой: по настоя идем у приобрести опыт можно только в газете. Нелегкий, но плодотворный журналистский путь Аркадия Петровича начался в Перми, в областной газете «Звезда», куда он прибыл в конце 1925 года. Уже через несколько дней появляется его новое произведение-рассказ «Угловой дом», а под ним никому неизвестная тогда подпись-Гайдар.

История этого литературного имени – одна из самых любопытных страниц в его писательской биографии. В период, когда он командовал отдельным полком где-то в степях у Минусинска, жители называли его «Гайдар-Голиков». что означает начальник Голиков. Интересно и мнение бывшего однокашника писателя – А.М.Гольдина, рассматривающего романтический псевдоним Гайдара как ана-

грамму, созданную из начальных букв подлинной фамилии «Г» и букв его имени «Аркадий». Он же предлагает и такую оригинальную расшифровку: Г – первая буква настоящей фамилии; А и Й – первая и последняя буквы его имени; Д – по-французски – приставка де, означающая «из»; Ар – начальные буквы названия города Арзамаса.

В сознание всех поколений псевдоним Гайдар вошел в значении – «Всадник, скачущий впереди». В истории литературы не часто можно встретить подобные псевдонимы, символический смысл которых точно отражал бы не только личную и творческую биографию писателя, но и судьбу его наследия, место и роль художника в литературном развитии. Гайдар не сразу определился как детский писатель, но потом понял, что больше всего его волнует судьба детей, особенно если это дети маленькие и обездоленные. А таких было очень много после Гражданской войны. Своей задачей Аркадий Петрович поставил писать не просто развлекательные книжки, а такие, которые бы учили и воспитывали в духе любви к Родине. «Военная тайна», «Мои товарищи», «Школа», «Судьба барабанщика» – стали такими произведениями. «Пусть потом, когда-нибудь люди подумают, что жили такие люди, которые из хитрости назывались детскими писателями», – говорил Аркадий Петрович.

Особое место занимает рассказ «Голубая чашка». Здесь впервые Гайдар рассуждает о том, что человек не может быть счастлив без любви, без семьи, что счастье очень хрупко, подобно чашке, и его нужно беречь. Гайдар приезжает в Клин. Здесь он знакомится с Дорой Матвеевной Чернышовой, которая становится его женой. Клинский период, пожалуй, самый счастливый и самый плодотворный в жизни писателя. Самые известные произведения он пишет в нашем городе: «Чук и Гек», «Дым в лесу». «Тимур и его команда». Каждое произведение писателя – это его мысли о смысле жизни, о счастье, о предназначении человека на земле. В рассказе «Чук и Гек» читаем: «Что такое счастье – это каж-

дый понимал по-своему. Но все вместе люди знали и понимали, что надо честно жить, много трудиться и крепко любить и беречь эту огромную счастливую землю». Аркадий Петрович всю жизнь стремился к тому, чтобы сделать счастливыми прежде всего людей, а про себя часто забывал. Поэтому, он не жалея жизни, сражался во время Гражданской войны и погиб в ВОВ. Не всегда выбранный им путь оказывался правильным. Гайдар это понимал и очень переживал. Внешне это не было заметно. В компании он был веселым, общительным. Его друг И.Халтурин вспоминает: «Скоро я убедился, что это человек со сложным характером, что он переменчив в настроении, может даже впадать в мрачность и часто он ищет общества людей, чтобы заглушить какую-то внутреннюю тревогу и чувство одиночества». Еще большую тревогу испытывал Гайдар с началом II мировой войны. Он пишет рассказ «Дым в лесу», который является своевременным напоминанием о реальной опасности, о необходимости быть готовым к самым тяжелым испытаниям.

Феноменальным явлением стала повесть «Тимур и его команда». В мировой литературной практике трудно найти произведение, которое дало бы начало столь массовому детскому движению, каким является форма тимуровской работы, порожденная книгой Гайдара. И снова звучат слова о счастье: «Я стою... я смотрю. Всем хорошо! Все спокойны. Значит, и я спокоен гоже». Перед самой отправкой на фронт Аркадий Петрович завершает работу над сказкой «Горячий камень». Она стала подлинной его исповедью перед смертельной битвой. В сказке говорится о старом стороже, который вею свою жизнь, молодость посвятил революционной борьбе. И вот у него появилась возможность вернуть молодость, если он разобьет горячий камень. И вот, что говорит старик: «...Я совсем не буду разбивать камень, потому что я не хочу начинать жить сначала. ...И на что мне иная жизнь? Иная молодость? Когда и моя прошла трудно, но ясно и честно!»

**Кризис смысла в современном обществе и психоз:
на примере литературных параллелей из русской классики**
Н.В.Волкова, А.А.Кисельников, г. Москва

Проблема смысла жизни во все времена и во всех обществах занимала умы мыслящих людей, поэтому часто встречающаяся сентенция о том, что именно сейчас, в современных условиях данная проблема стоит особенно остро, не совсем соответствует действительности. Эти же слова могли сказать (и говорили) и древнегреческие философы, и мыслители средневековья, и философы-экзистенциалисты, и люди любой другой эпохи, в каждой из которых были кризисные периоды политического, экономического, нравственного развития, актуализирующие поиски ответа на вопрос о смысле бытия.

Однако можно говорить о специфических социально-экономических условиях конкретного общества, которые могут направлять процесс поиска и реализации человеком смысла жизни в определенное русло. В настоящее время в российском обществе действует целый ряд таких ключевых факторов. Вакуум смысла, возникший в постсоветском пространстве, у значительной части населения до сих пор заполняется содержанием лженаучного, магического, оккультного и паранормального толка. Повышенный интерес к магической тематике волнообразен, и, как известно, обостряется в периоды политической, экономической нестабильности. Однако самой мощной силой, поддерживающей и питающей этот интерес, выступает огромное народное наследие поверий и суеверий, архетипических страхов, которое является константой и сопровождает жизнь всех поколений.

Процесс мифологизации сознания людей в современном российском обществе протекает на фоне резкого снижения качества преподавания в школе предметов, развивающих аналитическое мышление (особенно математики), падения культуры детского и подросткового чтения как смыслоизвлекающей и смыслопорождающей деятельности (Россия по этому критерию находится на 30-м месте среди стран мира), которая помогла бы удерживать здоровый баланс между рациональным и иррациональным способом восприятия действительности. Слабо сформированные у взрослых людей способы рационального осмысления и анализа событий замещаются когнитивно-простыми оккультно-архаичес-

кими мифологемами, естественными для детского отношения к реальности.

Также среди причин «архаизации» сознания широких масс населения стоит отметить возросший интерес к «загадочным» темам (НЛО, экстрасенсы, белая и черная магия, полтергейсты и т.п.), который обнаружился с ликвидацией репрессивной системы советской цензуры печатной и телевизионной продукции (в результате чего на некоторое время исчезла и элементарная самоцензура авторов). В результате этого в массовой печати на рубеже 90-х годов прошло множество «сенсационных» публикаций, во многих из которых «очевидцы» аномальных явлений описывали и свои психотические переживания и образы, выдавая их за реальность. Волна этих публикаций (а также смена государственной идеологии с атеизма на поддержку религии) породила тот культурно-исторический бэкграунд, то пространство образов, которые, в условиях дебюта психотических расстройств, могут составлять содержание кристаллизующих бред конструкций. Этот бэкграунд в условиях демократии становится достаточными агрессивным и пытается «вытеснить» конкурирующие рациональные модели реальности (так, в 2006 году был подан иск на Министерство Образования РФ, направленный против преподавания в школе эволюционной теории Ч. Дарвина).

Влияние этого мощного, актуализированного в современной России, примитивно-мифологического пространства, с нашей точки зрения, пагубно, и может трагически искажать смысл жизни попавших в трудную жизненную ситуацию людей. Важно также отметить, что аккумулированная в устрашающих образах негативного культурного поля психическая энергия, несомненно, самым прямым образом может провоцировать дебют психоза у склонных к этому людей.

Деструктивными факторами также являются распад института традиционной семьи, прежде всего бьющий по детству и нормальному формированию объектных, базовых отношений; страшная и до сих пор нерешенная для России проблема сиротства; продолжающаяся в постиндустриальном рыночном обществе изоляция человека; ранняя подростковая алкоголизация. В настоящее время на-

блюдается как рост числа людей, страдающих уже известными видами психических расстройств, так и появление новых психогений, что связывается с высоким темпом жизни, ее насыщенностью стрессогенными событиями, общим ослаблением здоровья молодого поколения на фоне ухудшения экологии, информационной «атакой» СМИ, бурным развитием техники и Интернет. Последний фактор, например, обусловил внесение в МКБ-10 новых видов психических расстройств – гаджет- и интернет-аддикции (зависимости, связанной с необходимостью покупать все более новые модели технических устройств и пользоваться интернет-услугами, соответственно).

Таким образом, можно выделить основные условия, затрудняющие процесс поиска и реализации человеком смысла в современной России: 1) Актуализация примитивной мифической иррациональной субкультуры; 2) Распад семьи, проблема сиротства; 3) Падение качества образования по критерию формирования научно-рационального стиля мышления; 4) Мощные внешние социально-экономические стрессы (связанные со сменой формации на «рынок»); 5) Катастрофическое падение здоровья нации, особенно нервно-психического здоровья, истощение нервной системы в условиях рыночной экономики (конкурентные отношения, работа «на износ», затрудненный доступ к качественной медицине); 6) Алкоголизм как одна из главных проблем нации.

Анализируя все выше сказанное, можно заметить, что в русской классической литературе описан случай возникновения психического расстройства на фоне действия выделенного нами комплекса факторов сиротства, тяжелых детства и юности, алкоголизма, мифического иррационального мышления, истощения нервной системы. Это случай главного героя произведения Н.В.Гоголя «Вий» – философа Хома Брута. Пример гоголевского персонажа иллюстрирует специфику смыслового жизненного пространства, в котором несмотря на временную разницу в более, чем сто лет, находится значительная часть наших современников. Социально-экономические условия, описываемые Н.В.Гоголем, отличаются от настоящих дней по форме, однако по содержанию факторы, деформирующие смыслообразующие процессы, которые мы встречаем в литературном произведении, и которые были выделены нами выше, во многом совпадают.

«Живой» язык, богатство словесных, художественных форм, которые использованы автором, дают уникальный материал, расширяющий опыт понимания факторов и механизмов психической жизни личности, вводящий специалиста-психотерапевта из области научно-формализованного знания в семантическое пространство народного сознания, вне категорий которого невозможна эффективная психотерапевтическая работа.

Поэтому хотелось бы отойти от прямолинейного, «мистического» прочтения «Вия» и раскрыть психологическую «изнанку» сюжета этого произведения. На то, что сам автор отдавал отчет в отнесенности описываемых событий к области психической, а не внешней реальности, указывает сноска, которую мы встречаем на первой же странице произведения: «Вий – есть колоссальное создание простонародного воображения... Вся эта повесть есть народное предание» (выделено нами). Поэтому мы имеем достаточно оснований рассматривать историю главного героя как клинический случай развития психотического состояния, трагическим апофеозом которого и завершается сюжетная линия произведения: «Бездыханный грянулся он на землю, и тут же вылетел дух из него от страха». (Гоголь, 1984).

Анализ предстоящих событий продуктивно начать с социальной ситуации развития Хома Брута. Одним из наиболее важных фактов биографии является его сиротство:

- « – А кто был твой отец?
- Не знаю, вельможный пан.
- А мать твоя?
- И матери не знаю. По здравому рассуждению, конечно, была мать; но кто она, и откуда, и когда жила – ей-богу, добродию, не знаю».

Хома Брут – человек «без корней», а значит, выросший в ситуации социальной незащищенности и одиночества. Причем важно не отсутствие биологических родителей и других родственников, но вообще отсутствие у него «родных душ», эмоционально-близких, теплых отношений с кем бы то ни было, то есть одиночество психологическое. Г.М.Назлов (2002) подчеркивает, что одиночество является коренным, сущностным свойством любого психического нарушения, водоразделом между нормой и патологией в психиатрии. Одиночество в этом смысле следует понимать как нарушение диалога человека с внешним миром и диалога с самим собой. Реализация же человеком смысла жизни неизбежно связана с трансцендентностью его жизненной пози-

ции, «выходом» за пределы себя, узкого круга личных интересов и проблем.

Талантливое описание Н.В.Гоголем социальной среды, где проходит юность Хома, не оставляет сомнений в деструктивной ее роли: грубые нравы бурсы и семинарии, низкий уровень интеллектуальной и духовной культуры делают одиночество Хома абсолютным и отчаянным. Фактор одиночества действует на фоне тяжелых бытовых условий, постоянного физиологического истощения (голод, злоупотребление алкоголем, физические наказания, драки). Очевидно, что развиваясь в таких условиях, человек находится в крайне неустойчивом психическом состоянии и легко поддается суггестивным воздействиям. Уже в первой части произведения автором описывается один из психотических эпизодов (ночь с ведьмой), вытесненный затем из сознания не без помощи алкоголя. Еще раз подчеркнем, что комплекс описываемых Н.В.Гоголем жизненных условий персонажа, в современном обществе актуализирован и оказывает особо сильное смысло-деформирующее воздействие в жизни людей т.н. «группы риска» – детей-сирот, маргинальных слоев населения, бездомных, алкоголизированных личностей, и просто людей с «низким уровнем жизни» (материально и социально незащищенных, с низкой образованностью, интеллектуальной неразвитостью).

Обратимся к анализу ситуации, ставшей для Хома Брута триггером психического срыва: его вызывают отпевать панночку в близлежащий хутор. Сама по себе причина (смерть), по которой его везут туда, всегда сопровождалась в народе различными суевериями и мистическим страхом. Хома же, не обладая развитыми способностями к мыслительному анализу, в полной мере являлся носителем народной субкультуры. Дальнейшая история развивается на фоне того, что философ попадает в группу людей, ставших для него индукторами тяжелого психотического состояния: «За ужином болтовня овладевала самыми говорливыми языками. ...Разговор, натурально, должен был обратиться к умершей». За вечер, проведенный на кухне в доме сотника – отца панночки, Хома услышал около десятка историй о нечистой силе: «Материя о ведьме сделалась неисчерпаемой. ...К тому ведьма в виде скирды сена приехала к самым дверям хаты; у другого украла шапку или трубку; у многих девок на селе отрезала косу; у других выпила по несколько ведер крови» (Гоголь, 1984).

Всем с детства известны так называемые «страшные истории», неоднократно становившиеся предметом как литературного, так и психологического интереса (Мутина, 2001; Осорина; 1990, Успенский, 1990). Позитивный психотерапевтический эффект от рассказывания детьми «страшилок» заключается в контейнировании страхов, отреагировании негативных эмоций, психологической переработке проблем смерти, любви к родителям и послушания, взаимодействия с незнакомыми людьми и предметами, безопасности жизни, интериоризации родительского контроля. Очевидно также, что наибольший психотерапевтический эффект в первую очередь получает рассказчик страшных историй, который в символической форме совладевает со своими страхами, дает выход агрессии, управляет сюжетной линией и эмоциями слушателей. В то же время широко известны случаи, когда дети с развитым воображением, повышенной эмоциональностью под действием услышанного приобретают навязчивые страхи различного, в том числе и мистического, толка (Черной Руки, гроба на колесиках, покойников и др.), устранить которые становится возможным лишь при специально организованной психологической помощи. Подробный анализ детских страхов такого типа, характерных для младшего школьного возраста, представлен в работах А.И.Захарова (2000), Г.Эберлейна (1981).

В различных взрослых сообществах доминирующей функцией «страшилок» становится контроль поведения: с помощью страшных историй (приобретающих здесь вид реально произошедших событий) у членов сообщества формируется система запретов и правил поведения, позволяющих им оставаться носителями и трансляторами конкретной субкультуры. Можно привести в качестве примера несколько названий глав книги Св.Родиона (2004), служащей цели просвещения людей в отношении православной религии к различным сферам и явлениям жизни: «Домовой в казарме», «Смерть на дискотеке», «Кошмары на улице Стахановцев», «Образы искушения христиан-подвижников злыми духами», «Сравнительный анализ контактов и воздействий НЛО и бесов на людей». Помимо богословского материала в каждую из глав книги включены поучительные истории, построенные по схеме детских «страшилок»: изложение норм поведения, одобряемых православием; описание истории человека, их нарушающего; описание жутких последствий, его

постигших; раскаяние героя истории (следует отметить, что эта часть специфична для взрослых «страшилок», более ориентированных на воспитательное воздействие, чем на отреагирование эмоций – у детей она, как правило, отсутствует). Стимуляция процесса самостоятельного, осознанного смыслоизвлечения здесь подменяется выдачей готовых «рецептов» – как и для чего жить следует, а как и для чего – недопустимо. В случае, если таким образом транслируются позитивные и способствующие адаптивному поведению ценности (любви, самосовершенствования, гибкость и критичность мышления), можно говорить о благополучном для человека исходе суггестии. Если же навязываются деструктивные цели и средства их достижения, центральным смыслом жизни личности становится деятельность, направленная на разрушение других и себя (как можно наблюдать в случае агрессивных подростковых и молодежных группировок националистского толка, тоталитарных сект и т.п.).

Непременным условием эффективности действия описанных «страшных» историй как регуляторов поведения взрослого человека является сходство жизненного опыта, установок, потребностей рассказчика и реципиента, иными словами, принадлежность к одной субкультуре. Данное условие, как было подчеркнуто нами ранее, присутствовало в жизни героя «Вия».

Случаи, когда у взрослых людей, находящихся под впечатлением от подобных рассказов либо просмотренных фильмов ужасов, передач о преступлениях и т.п., наблюдаются реактивные нарушения сна (бессоница, ночные кошмары), навязчивые мысли многократно описывались в психологической и психиатрической литературе (Каплан, Сэдок, 2002). В истории Хомы Брута мы можем наблюдать именно такое, индуцированное психическое расстройство, сопровождающееся продуктивной бредовой симптоматикой (позитивные галлюцинации нечистой силы). Образ некрофильной женщины, пугающей с самого начала произведения Хому, является одним из древнейших архетипов народного сознания (Баба-Яга, Пиковая Дама, ведьма, кикимора). И из уст гоголевских героев неоднократно звучат иллюстрирующие это слова: «Когда стара баба, то и ведьма», «...у нас в Киеве все бабы, которые сидят на базаре – все ведьмы». Как правило, этот образ олицетворяет фатальность жизненных событий, неотвратимость судьбы, жестокость и беспо-

мощность человека перед ней. Интересно также отметить, что страхи с подобным содержанием характерны для детей, боящихся отчуждения от образа любящей, доброй матери (Захаров, 2000). Данный факт логично вписывается в общую жизненную картину Хомы, выросшего без родителей.

Тяжесть возникшего расстройства была усугублена и тем, что в момент прослушивания страшных историй герой находился в измененном состоянии сознания (одновременное действие алкогольного опьянения и недосыпания), когда критичность мышления значительно снижена, а эмоциональное заражение состоянием рассказчиков происходит особенно легко. Дополнительным (если не решающим) фактором психотизации выступила обстановка церкви: «Посредине стоял черный гроб. Свечи теплились пред темными образами. ...Отдаленные углы притвора были закутаны мраком. ...лики святых, совершенно потемневшие, глядели как-то мрачно. ...тишина была мертвая. Гроб стоял неподвижно. Свечи лили целый поток света. Страшна освещенная церковь ночью, с мертвым телом и без души людей!», создавшая естественный контекст для экстериоризации страхов в образе ведьмы, летающего гроба, нечистой силы.

Немаловажным фактором было и аутопрограммирование на возникновение галлюцинаций, которое можно проследить с момента прихода Хомы в церковь: «Ведь она не встанет из своего гроба...», «невольное чувство... шептало ему: «Вот, вот встанет! Вот поднимется, вот выглянет из гроба!», «Ну, если поднимется?..». Разрушительно действовало и то, что главным средством релаксации после обеих ночей, проведенных в церкви, стал алкоголь. Непрерывное (на протяжении трех дней) действие факторов внешней и ауто-суггестии, психосоматического истощения привело к трагическому финалу жизнь Хомы Брута.

В современности можно найти немало параллелей данной истории. Так, например, наиболее «популярными» психическими расстройствами сейчас являются паническая боязнь заразиться птичьим гриппом (большая «заслуга» в этом принадлежит СМИ); часты обращения к психиатрам подростков и юношей с жалобами на зрительно-слуховые галлюцинации, реакции дереализации после длительной игры в агрессивные компьютерные игры. Широко известны трагические истории зомбирования сознания членов тоталитарных сект, в большом числе распростра-

нившихся в России. Механизмы «воспитания» террористок-смертниц также во многом совпадают со стихийно действовавшими механизмами развития психоза у Хомы Брута. Истории болезни многих психиатрических больных содержат описание тех же факторов: психологическое одиночество, установка «никому ненужности», незащищенности, часто подкрепляющаяся социальным бесправием, феномен выученной беспомощности, истощенная нервная система, психологически нездоровое окружение, навязывающее аутоагрессивные жизненные сценарии. Все это становится барьером к активизации психологических ресурсов для сохранения целостности в критических ситуациях и превращает жизненный путь личности в последовательность осознанных и бессознательных выборов, ведущих к деструктивному финалу¹. Очень показательной иллюстрацией такого сценария может быть любимое стихотворение одного из пациентов, страдающих шизофренией (частично также синдуцированной психически больной матерью):

Я себя проверяю на крепость.
Компромиссы – какая напасть!
Я себя осаждаю, как крепость,
И никак не решаюсь напасть.

Не решаюсь. Боюсь. Проверяю.
Вычисляю, тревожно сопя,
Сколько пороху и провианту
Заготовил я против себя.

Но однажды из страшных орудий
Я пальну по себе самому,
Но однажды, слепой и оружий,
Задохнусь в непроглядном дыму...

И пойму, что солдаты побиты,
И узнаю, что проигран бой,
И умру от сознания победы
Над неверным самим же собой...
(Л.Филатов)

Case study Хомы Брута – талантливо описанная в литературной форме судьба человека, у которого проблема экзистенциального выбора решается на бессознательном уровне, и варианты ее решения крайние – здоровье или болезнь, жизнь или смерть. Обобщая все те особенности жизни современного человека, которые попали в фокус нашего внимания, и опыт психотерапевтической работы с пациентами с психотическими расстройствами, можно утверждать, что далеко не периферическое

место в структуре заболевания занимают деструктивные смысложизненные конструкции, инкорпорированные из примитивного информационного пространства современного общества, и усугубляющие тяжесть состояния личности. На примере гоголевского героя можно увидеть, как процесс самостоятельно-го, осознанного осмысления жизненных явлений и событий подменяется навязанными интеллектуально неразвитым окружением грубыми архаичными мыслительными конструкциями.

Проводя параллели современной российской жизни с жизнью студентов малороссийской бурсы гоголевских времен и анализируя тенденции духовно-культурного развития нашего общества, следует заключить, что профессиональное сообщество практических психологов и психотерапевтов, работающих с людьми, переживающими жизненные кризисы и утрату смысла жизни, должно отдельно осмыслить проблему дерационализации, архаической мифологизации сознания своих клиентов, и возникающих в связи с этим провоцирующих психическое заболевание конструкций.

Литература:

1. *Гоголь Н.В.* Избранные сочинения. В 2-х т.т. Т.1. М., 1984.
2. *Захаров А.И.* Дневные и ночные страхи у детей. Серия «Психология ребенка». СПб., 2000.
3. *Каплан К.И., Сэдок Б.Дж.* Клиническая психиатрия. В 2 т. Т.1. Пер. с англ. М., 1998.
4. *Мутина А.С.* Образ Пиковой дамы в детском фольклоре Удмуртии // Финно-угорская фольклористика на пороге нового тысячелетия: Материалы конференции / Отв. ред. Т.Г.Владыкина. – Ижевск, 2001.
5. *Назлов Г.М.* Концептуальная психотерапия: Портретный метод. М., 2002.
6. *Осорица М.В.* «Черная простыня летит по городу», или зачем дети рассказывают страшные истории // Популярная психология: Хрестоматия. М., 1990.
7. *Священник Родион.* Люди и демоны. Киев, 2004. С. 296.
8. *Успенский Э.* Красная рука, черная простыня, зеленые пальцы // Пионер. 1990. №№ 2 – 4.
9. *Эберлейн Г.* Страхи здоровых детей. М., 1981.

¹ Хотелось бы отметить, что эта идея блестяще передана в постановке «Панночка» Муниципального театра «Русский стиль» (г. Орел, реж. В.И.Симоненко).

Смысл жизни с точки зрения иудаизма: теолого-психологический анализ

М.М.Данина, г. Москва

«Итак, Израиль, чего требует от тебя Господь, Бог твой? Того только, чтобы ты боялся Господа, Бога твоего, ходил всеми путями Его, и любил Его, и служил Господу, Богу твоему, от всего сердца твоего и от всей души твоей, чтобы соблюдал заповеди Господа и постановления Его, которые сегодня заповедую тебе, дабы тебе было хорошо» (Второзаконие) 10:12).

Иудаизм нельзя назвать гомогенной религией – внутри него существуют серьезные разногласия – концепции Бога в иудаизме варьируют от крайнего антропоморфизма до некоторой формы пантеизма; идея о том, что конвенция с Богом касается каждого персонально была поставлена под сомнение многими современными течениями иудаизма; и даже способы истолкования и взгляды на Тору сильно варьируют в различных его направлениях. В современном иудаизме традиционно выделяют 3 основных направления – ортодоксальный, консервативный и реформистский иудаизм. Однако на деле за каждой из этих обобщенных формулировок стоит своя история развития, борьба, и, наконец, более узкие течения.

Смысложизненные ориентации верующих сильно зависят от того, к каким направлениям они себя относят. Несмотря на то, что общий предельный смысл каждого иудея – Бог, способы реализации этого смысла сильно разнятся в различных сообществах. Например, хасиды (ортодоксальное направление) главным на пути к Богу считают особое духовное состояние, возвышенное чувство, экстатическую молитву. Такого рода переживания настолько важны для верующего человека, что они утверждаются как более приоритетные по сравнению с соблюдением заповедей. Существует анекдот о том, как один очень набожный еврей каждый день носил в синагогу хлеб, думая, что она – храм, куда можно возложить жертву. Такой поступок у многих вызвал резкое недовольство и критику, но в этом же сюжете можно проследить сущность понимания религии хасидами. Любовь к Богу и чувства, сопровождающие этот поступок, совершенный по незнанию, гораздо более ценны и оправданы, чем формальное соблюдение Закона без всяких на то личных оснований. Прямо противоположного мнения придерживаются представители миснагим

(также ортодоксы). Признавая важность эмоционального компонента духовной жизни, это направление оставляет приоритет за соблюдением законов: какими бы прекрасными не были помыслы человека, в одиночку он не в состоянии понять, какие его поступки делают мир лучше, а какие – хуже. Иначе говоря, человеку изначально были доступны категории истины и не-истины, которые после грехопадения трансформировались в категории добра и зла, потеряли связь с божественным способом познания. Тора возвращает человеку категорию истины в виде законов, в ней прописанных. Таким образом, единственно возможный путь к Богу – тщательное исполнение заповедей, праведное поведение. В отличие от ортодоксальных направлений, некоторые неортодоксальные, реформистские направления не признают божественное происхождение Торы, что подрывает основу основ религии – доверие к священному тексту. В этой связи, по-прежнему считая путь к Богу смыслом своего существования, реформисты воспринимают заповеди лишь как своеобразное вспомогательное средство, не имеющее самоценности, и потому поддающееся модификации, трансформации в соответствии с обстоятельствами жизни.

Даже в таких наглядных, заметных противоречиях есть некоторое общее, что составляет инвариант религиозного мировоззрения иудеев. Первое и самое главное – вопрос о том, для чего человек живет в этом мире. Как уже было сказано выше, предельный смысл для любого верующего иудея – Бог, но что это значит? В книге Бырейшит (Бытие) сказано «Сотворим мы человека». Комментируя эту фразу, еврейские мудрецы склоняются к представлению о том, что Бог создавал человека не законченным, для того, чтобы сам человек смог «досотворить» себя. «Сотворим мы человека», таким образом, можно перевести как «мы вместе с человеком сотворим его». Появляясь в этом мире, мы приобретаем некоторое «рабочее пространство», на основании которого начинается наша работа по самосовершенствованию. Кроме исходного «рабочего пространства» человеку дается инструментарий – закон Торы. Именно в этой точке сливаются в иудаизме категории знания и поведения: поступок без знания не только

лишен цели, но может быть опасным, а знание без поступка бесплодно. Так для чего же человеку нужно стараться, преодолевая трудности на его пути к реализации божественных указаний? Здесь мы касаемся вопроса о конечном значении иудаизма как религиозной системы - иудаизм в качестве главной своей задачи выдвигает необходимость привнесения божественного в этот мир, т.о. его можно назвать религией активных действий по преобразованию мира, необходимых для спасения в этом мире (не загробном, как в христианстве, не в нирване, как в буддизме, а здесь-и-сейчас).

Другой краеугольный камень иудаизма тесно связан с чаяниями еврейского народа по поводу своей миссии в мировой истории. «Ибо ты народ святой у Г-спода, Б-га твоего, и тебя избрал Г-сподь быть Ему особым народом из всех народов земли» (Дыварим, 14:2). «Царство священников» – так называют свой народ сами евреи. Строго соблюдая Завет, ограничивая и преодолевая себя, они, таким образом, получают возможность благословлять другие народы, среди которых оказываются, а также открывать им путь к Богу. Ответственность, возложенная на «проводников света» становится не привилегией, а тяжким бременем, о чем твердят все религиозные тексты иудаизма. Смысл жизни еврея в данном контексте приобретает новый оттенок, он становится связанным не только с Богом, но и с носителями жизни в мире материальном.

В иудаизме как религиозной системе жизненные смыслы задаются в четырех плоскостях: 1) в религиозных переживаниях, дос-

тижимых с помощью определенных духовных практик, 2) религиозных объектах как универсальных религиозных символах, 3) в религиозных представлениях, создающих психологическую трансспективу, 4) в особых поведенческих моделях, представленных как в священных текстах, так и на уровне индивидуального быта верующего. Именно из этих источников черпаются, транслируются смысло-жизненные ориентации. Особенностью иудаизма является не только жесткая фиксация самих смыслов в религиозной системе, но также и средств их реализации. Однако ключевым моментом для правильного понимания такого, на первый взгляд, догматичного способа бытия-в-мире является важная с точки зрения иудаизма категории – свободе воли. Бог, по мнению иудеев, дал человеку право на выбор и право на ошибку. Соответственно, говоря о строгой фиксации средств для реализации смысла жизни, мы подразумеваем идеальные средства, воспользоваться которыми можно лишь приняв их осознанно. Такая ситуация в религиозных традициях, возможно, может служить индикатором их продуктивности в отличие от положения большинства религиозных сект и новых духовных практик.

В заключение можно лишь отметить, что, так или иначе, трансцендентный жизненный смысл в любых его формах может благотворно влиять на развитие личности. Поэтому объективный и беспристрастный анализ религиозной системы той или иной культуры необходим для полноценного становления научной психологии.

Поэты и время их

А.Л.Киселев, г. Москва

Удивительнейшее из явлений бытия – путь читателя к поэту. Оно может быть мгновением озарения, может быть сопричастным всей эпохе, в которую уложилась жизнь возлюбившего слово. Это – со-путь.

Пишущий эти строки рожден был, видимо, как бы одетым себя в материю слова, поэтому (откровенно!) до старости не ощущал того. Но содрогание от слова в сопутствующей эпохе поэзии было всегда. Поэтому дотронуться собственным пером до белой, как снег, чистой бумаги было кощунством. Личный путь был окольным: переводил все впечатления от быта – бытия в подражательное: а как бы написал? – это были уже школьные

годы. Миллионнократные повторенные в книгах, близкие, родные. Совершался мой личностно замедленный переход в читатели! В средней школе, кроме сочинений, и ранее – пересказов заданного урока по литературе, по сути ничего не было, кроме удивления тому, что другим удавалось памятью воспроизводить учительское и обязательное по учебнику – точно и стройно... В этом была уже определенная цель: не подражания, а воспроизведения лучшего ...

Великое дело – начало. Не попал в Московский университет и с медалью, наивный, и даже – в Саратовский. А сплыл по Волге (оборванец по виду: мать поднимала четве-

рых, уборщица в детском саду в райселе Пензенской области) – в Самаре. 1950-й! Самара – город мукомола, хлебных пристаней, элеваторов (в годы войны все было занято производством, эвакуированными, перевезенными из Москвы заводами на большом удалении от центра: здание пединститута ютилось в мельничном корпусе. Кирпичные строения без удобств, колодец – двор. Здесь то и был филфак, вместе с инязом (учрежденный белочехами в войну – университет.) НО (!) – первоклассная профессура (место ссылок), в которой мы полагали – обыкновенное! Ан – нет. Профессор Гвоздев, европейски известный. Профессор Я.А.Роткович, изучивший весь путь школьного дела в России – за 200 лет... Была, по существу, профессорская плеяда... Вернулся из лагеря И.М.Машбиц-Веров, Маяковед (Божьей милостью!), сотрудничавший до лагеря в Наркомпросе с супругой В.И.Ленина.

В.Маяковский и Машбиц-Веров как-то легко уложились в единое. Мы-то плохо осознавали, что «въехали» в эпоху (!): Маяковский был всесоюзно-всемирной рекламой слову, расширившему понятие коммуна до возможного вселенского универсализма (не гениальный, а громоподобный голос века!), – Машбиц был всегда перед глазами... Кое-что прояснилось и в нашем еще жалком умении воспринимать истину слова, когда Иосиф Миркович рассказывал (он был доступен по-товарищески), что в их миллионном по числу эзков лагере его травил украинец-пахан, не давая ему читать. Продолжалось до тех пор, пока маленький ростом Машбиц (лицом он был убедительно скульптурен!) прыгнул на грудь великана и закусил ему нос... Повалившегося с ревом на спину «сняли с поста» сами его сообщники...

Машбиц не читал, он вынашивал книги о В.Маяковском. Почти сразу по возвращении в Самарский наш вуз, опубликовал. Они – известны!.. Личность В.В.Маяковского выступает из наслоений времени только сейчас. Почему? В судьбе Маяковского читается вся Россия, как в судьбе Пушкина («Я числюсь по России»). Ни один из казенно-высокопарных эпитетов к нему не подходит. Да и сейчас найдены ли пути к нему? Да, увековечен. Да, приписан к первому ряду. Но – тайна? Как пушкинская свобода. Но – вычлененность в особый самостоятельный мир? – В Маяковском, как и в Пушкине – не все объяснимо. Отсюда: институты, музеи, отряды

специалистов и – память! Собрание «каменей».

Поэты, спевшие не одну эпоху в русском слове, – откуда они? Знаем про псалмопевца Давида, откуда он? Себя, и не знаем. Слишком обильна поэтическая нива. Даже силуэт Гоголя-странника туманится на пространстве Руси – России. Есть ключевые тексты. У Маяковского – это детские стихи и – встреча поэта с солнцем («В сто сорок солнц закат пылал, в июль катилось лето...» – любимое из стихов И.М.Машбиц-Верова). Как слова – ключи: Россия. Русь...

В недавно вышедшей книге азербайджанца Фазиля Изарбекова (в крещении Василия) «Тайна русского слова. Заметки нерусского человека» в исповедальной и предельно насыщенной филологическими находками форме и – применительно к переживаемому времени, выхолостившему «высокое», удалось сказать о самом главном: священном значении слова, – о том, что слово – не только смысл, не только факт общения, но все и вся во Вселенной. А в русской речи вибрирует любой язык: или – уплощается, или – приобщается. «Мы обязаны, – пишет профессор. Доктор филологических наук В.Ю.Троицкий, – беречь одухотворенный русский язык – это душа России, ее святыня, предметное воплощение высших духовных ценностей, нерушимое духовное состояние, без которого человек (и народ!) теряет свое лицо, при поругании которого испытывает ущерб своего достоинства и духовной самостоятельности, отесняется, становится нравственно уязвимым и духовно бессильным. Мы, как зеницу ока, должны беречь родное слово. Слово дано для стремления к истине. Судьба наша – в словах, нами произносимых». Но что же может напомнить современному человеку о духовной сущности как слова, так и великого родного языка в целом? Иногда это может быть свежий взгляд того, кто родился в иной культуре и потому особенно остро переживает благоданность русского языка. Я встретил такого человека – было это еще во время моей учебы в Московской Духовной Академии. Во время разговора о происхождении с иностранцем, православным епископом, знатоком русского языка, я услышал от владыки восторженные слова: «Вы, русские, очень счастливые люди. Слова вещего языка творили святые. Слова эти свидетельствуют о боге, о вечности, призывают к спасению, в царствие Божие».

А несколько лет назад на православной конференции в Саратове произошла другая, считаю – промыслительная, встреча. Я познакомился с азербайджанцем Василием Давидовичем Изарбековым, который оказался филологом, исследователем русского языка. И вот я с радостью держу в руке рукопись. Книга Василия Изарбекова «Тайна русского слова» – это признание в любви к русскому языку. Она утверждает высокий строй души русской, связанной с божественным светом истины. Это не специальное лингвистическое исследование, и, скорее, популярное, чрезвычайно живое, очень разное и острое размышление о связи языка и духовности, культуры русской речи и здоровья души. Он и говорит о силе и скрытых возможностях слова. Девизом ее я бы поставил слова: «кто светел, тот и свят».

На примере жизни и творчества самого автора можно видеть, как благодатное слово преображает национальные покровы сознания, делают их общечеловеческими, надкровными². Безошибочная призма русского языка позволяет видеть поэзию и поэтов иначе, чем в потоке, в «стихии стихов» движущегося времени. Вот любопытная, но обязывающая к высокой требовательности подборка имен – поэтов XX века, сделанная «на злобу дня» и к формуле: «нельзя забывать поэтов, вместивших век, а не ситуацию». «Даже абсолютных гениев в России XX века – и то достаточно. От Блока и Есенина, Маяковского и Цветаевой до Бродского и Кузнецова. Кстати, сразу же ухожу на так называемый «заговор элитарной интеллигенции», навязавшей всему миру знаменитую «четверку»: Борис Пастернак, Марина Цветаева, Анна Ахматова и Осип Мандельштам... Несомненно, это замечательные русские поэты XX века и они, конечно, есть в моем списке. Но также, несомненно, а, по моему мнению, и превосходят нашу «четверку» по поэтическому дарованию, по величию замысла и по масштабности его исполнения: Александр Блок и Владимир Маяковский, Велемир Хлебников и Николай Заболоцкий, Николай Клюев и Сергей Есенин, Даниил Хармс и Сергей Васильев. Таких «четверок» можно было в русской поэзии подбодрить с десяток... Иосиф Бродский сделал все, что бы уже в своем Нобелевском статусе указать всему литера-

турному миру на фальшивую либеральность и хлестаковщину, поэтическую мелкотравчатость Евтушенко и Вознесенского»³...

В духовной среде суд – кто первый, кто – последний абсолютно определил Иисус Христос в Евангелии. Но поэзия – сферы по абсолютному преимуществу – духовная. И критерий времени в ней чрезвычайно. С этой позиции (!) – язык, речь, – безусловный критерий прочности проживания поэта во времени. Если возвратиться к имени Маяковского, то неотвратимым будет ощущение безошибочности и силы избираемого слова. «Поэзия – та же добыча радия». Это не преувеличение, а качество опыта поэта – творца. У замечательного Пушкиниста нашего времени В.Непомнящего есть глава в его исследованиях: «Пинежский Пушкин»: пинежские читатели пушкинское слово воспринимают, как родное, укоренное, а личность Пушкина – растворенный в народе и природном космосе. Поэта «судит» время. В сферу поэзии поэтому «влились» и Тургенев, и Пришвин, и Островский... и живописцы: Юон и Петров-Водкин (к примеру!). Портрет поэта – его слово (!). Разногласие в оценках «чрезмерно» богатой русской отечественной поэзии – не случайность, а «нормы» (как и «Русской души» – в мире).

Г.Державин, «певший» императрицу Екатерину Вторую, словом вводил в сознание и сердце – Творца. Ему (пожалуй, единственному), удалось стихотворение «Бог». Из-под руки Державина вышел и Бессмертный Пушкин – факты культурного бытия России настолько очевидные, что изымать из школьной программы, литературу – очевидное безумие самоубийство культуры, изъятие из сферы духовной жизни – поколений. Отсюда феноменальные для существования русской поэзии свойства ее: 1) понятие «гений» никак не исчерпывает ее как явление; 2) сцепление имен и произведений в тысячелетнюю цепочку взаимности и продолжения без видимых «перерывов» ее исторического бытия; 3) неизменность статуса (по Платону: «существо священное, крылатое»); 4) сращенность с первоосновой культуры и просвещения – музыкой(!); 5) жертвенность: осознание поэтом дара (!). Как вселичностной, вышней ипостаси... Так, в сферу поэзии вошли и входят люди самого высокого одухотворенного мастерства в области труда... И так далее. Пора-

² Василий (Фазиль) Изарбеков. Тайна русского слова. Заметки нерусского человека. Данилов мужской монастырь. Даниловский благовестник. М., 2008. С.4 – 5.

³ Бондаренко В. 50 поэтов XX века /// «Завтра», июль-август, 2009. №31. С. 7.

зительно, но события истории текущей рождают в России не только поэтов-гениев, образуется поэтический отклик «собранных по России» поколений 40-х, 60-х и т.д. годов переживаемого века. Есть ли в какой либо стране, кроме России такое постоянство?

Гибель царской семьи (начиная с «отречения» и ареста!) сразу же вызвала поэтический поток. Назовем его эпохальным. В 1917 году в поэзию вошел автор, составляющий «биографию» этого события, события мертвой истории от его начала до наших дней – это Сергей Бехтеев.

Ангел мой нежный, мой сон голубой,
Сердце мое от страданий сжимается,
В мире житейском не видно ни зги,
Подлость людская волной поднимается,
Всюду измена и всюду враги.
(«Письма императрицы»)⁴.

Пьер Жильяр в воспоминаниях о царской семье, которой служил много лет, написал: «они приняли мученическую кончину за все человечество»⁵. Весь корпус стихов этой темы – это развивающаяся страница. Аналогов быть не может. В этой книге, как бы диктуемой свыше, есть строки священного храмового звучания – они идут от великих мастеров просветительского слова в отечественной поэзии. Две первых строфы текста, ставшего российским гимном в 1833 году, написаны В.А.Жуковским, волшебником слова. Написаны как молитва. Последняя строфа (из 8-ми) современным поэтом Ириной Болдышевой. Конечно, в этой невероятной по значимости книге есть пророческие строки Федора Тютчева, Марины Цветаевой, Николая Гумилева. Князя М.Горчикова, соратника Пушкина по лицу. Принесшего славу дипломатии России, самого А.С.Пушкина... Народные былинные стихи! Пророческое – М.Лермонтова «Предсказание»:

«Настанет год, России черный год
Когда царей корона упадет...»⁶.

Поразительно(!) в пророчестве Ф.Тютчева:

«О, эта толки роковые,
преступный лепет и шальной
Всех выродков земли родной,
Да не услышит их Россия!
И отповедью – да не грянет
Тот страшный клич, что в старину:
«Везде измена – царь в плену!»-
И Русь спастись его не станет»⁷.

Его же («Пророчество») –
«Четвертый век уже на исходе,
Свершится он и грянет час!
В возобновленной Византии
Вновь осенят Христов алтарь...!
Пади пред ним, о, царь России
И стань, как все «славянский царь»⁸.

М.Цветаева:

«Это просто, как кровь и пот:
Царь – народу, царю – народ.
Это ясно, как тайна двух,
Двое рядом, а третий – Дух.
Царь с небес на престол взведен:
Это часто, как снег и сон.
Царь опять на престол взойдет –
Это свято, как кровь и пот»⁹.

Феномен русской поэзии – сосредоточение ее на самом главном: возглавлении государственности!.. Сейчас государства Руси – российского – ничтожно мало. Какая сила может поднять с такой «позиции» великую державу царей? Ответ был всегда: Слово! М.М.Пришвин сказал о разрухе после Великой Отечественной войны. Все встает и встало по слову (о Днепрогэсе)... Книга «Царский крест» – это не бронза и портреты – это живое! Поэтому (удивительно!) император Николай II в бронзе непредставим, как Пушкин – в старости. А иконы для русского человека – живые соотечественники, что доказано историей Государства Российского. Как многовековая Пушкиниана, – уникальна, единственное в мировой культуре, так державный лик России – неустрашим. Поэтическая интерпретация истории России – явление органическое и соседствует с тем языком, которым говорит Православие.

Многовековая история России – это еще и вхождение языков народов, населяющих ее, в лоно русского языка. Самые благодатные и тесные – в области поэзии. Парадоксально, но именно время трех революций в России и двух мировых войн дали уникальное ускорение «породнению» языков в поэзии. Вместе с письменностью, обретенной многими народами России (Болкарским, например), народами севера, явилась потребность взаимных переводов. Искусство, запродавшееся на Руси вместе с крещением и необходимостью священнического служения, перешло и в поэзию. Потребность была велика, так как на ином языке высокоразвитых культур (грузин-

⁴ К 90-летию со дня мученической кончины царской семьи. СПб., 2009. С. 68.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 155.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 379.

⁹ Марина Цветаева. 7 мая 1918, 3-й день Пасхи // Там же. С. 385.

ской, осетинских народов Средней Азии, Азербайджана, Ирана и других написаны всемирно выдающиеся произведения, а русский язык с его универсализмом мировосприятия оказался в роли материнского.

В СССР работу перевода просветенчески продвинули: Пастернак, Тихонов, Заболоцкий, А.Тарковский (отец режиссера – А.К.), Семен Липкин, Наум Грейнев, Межиров, М. Дудин, Наум Коржавин, Я.Козловский, русскому читателю открылась поэзия М.Бараташвили, Аветики Исаакяна (могучего!), Важеспшавелы, Тициана Таблузе, Георгия Леонидзе, Симони Чиковани, Расули Гамзатова, Аркадия Кулешова, Юстиниса Мирцинявичуса, Эдуардуса Межелайтиши... Имена великих поэтов востока Саади, Низами и других равновеликих мировой культуре поэтического слова стали переводной классикой русского читателя (включая и современников – С.Стальского, Джамбула. Переводы, кажется, не обошли ни одного достойного имени в литературе народов союза – ни все украинки, ни белорусских). Можно, не обинуясь, называть это время просветительским в истории поэтического слова 19 – 20 веков.

Феномен языкового поэтического перевода стал в литературе скорее загадкой, тайной, нежели открытой книгой. Об этом находим мудрые слова: «Нужно сказать: на скольких языках звучат твои стихи, столько раз ты поэт...». В Грузии еще в 19 веке был великолепный Шекспир в переводах Могабели, но, по существу, этим все и ограничивалось¹⁰. Не нужно засорять язык Пушкина и Чехова, – писал балкарский поэт, Кайсын Кулиев, – говоря о тайне, даже не мастерстве перевода... нет смысла переводить их (плохие стихи – А.К.), ни русский язык, на котором создана величайшая в мире поэзия».¹¹

Есть еще одно измерение качества перевода, его феноменальности: стать поэту русским по языку. Показательно: нынешнее «разделение» практически исключает из обихода русского читателя авторов из «много – многонациональной России». А подмена книги компьютерами – саму поэзию. Обрушение совершилось мгновенно. Это одна из самых потрясающих катастроф технического прогресса (регресса). И доказательство незаменимой ничем духовности языка и слова. Здесь обнажается еще одна грань перевода: приобще-

ние к необъяснимому, – к чуду. Так устрашающе обнажено проступает идеализация рынка, тотальное выхолащивания просветительского слова.

Россию ненавидят за то, что она не блокируется и не стыкуется с разрушителями словесного языка, – пример Украины и других, исконно противостоящих России стран: выпускаются учебники для «русских» школ, в которых русская речь «иллюстрируется» площадным матом и другими примерами «убожества» русского языка: маска приличий скинута, а «удовлетворена» лишь ярость верхушки, узурпировавшей власть. Ничего нового, кроме: «А король-то голый». Дети не врут.

Распад нравственный при всех условиях не может заменить, отвести истинные ценности, потому что корень их – духовный. Отошедший в мир иной Чингиз Терекулович Айтматов не просто вырос в первоклассного писателя мирового имени: Он перешагнул себя, «подыгрывая» в жизни, недовольным «засильем русских в Киргизии», а в творчестве заявивший себя сразу и навсегда русскоязычным автором не русской национальности. У него не было отклонений, – он врос в мифологию человечества органически, владея возможностями собирательного русского языка, «вхожего» во вселенную слова и растворение личности в духовном. Отсюда феноменальная объемность картины мира сотворенного в «малом» отдельном человеке, испытывающем себя всегда и на каждом месте присутствия творца всю тяжесть борьбы за место в великом пространстве природы и всего «очеловеченного», обезображенного условиями существования площади обитания. В таких ракурсах течение жизни человека диктуют великие стихи и установки: традиция, род, раса, океан, вселенная. Здесь нельзя допустить упрощение и сложность, необходимо повернуть к «зрителю» возможной святой простотой. Потому-то и сам он был потрясен, когда однажды в Москве на одной из кольцевых улиц встречная женщина жестко бросила ему в лицо: «Я – Акбари!». Мимоходом. То есть волчица, унесшая из юрты ребенка у охотника, унесшего волчат, истребившего гнездо ся... Так (!) ударом срастались в самой биографии писателя концы мифа и житейской неволи во всех его видах.

Айтматов до конца жизни восходил ко все более охватному изображению пространства бытия. Откуда это «видение» у него, причем изначальное? В его судьбе уложились история киргиз, вышедшая когда-то из великой

¹⁰ Статья о переводах и поэзии перевода // Литературская газета. 13 августа 1969 г. С. 5.

¹¹ Там же.

степи, откуда вышел со своей великой ясой (воинским уставом) и завоеватель Чингизхан. Уложились уникальное в мировом опыте человечества, история СССР. Отец его, видный коммунист, был репрессирован и расстрелян.

Айтматова нельзя представить обиженным на эпоху, – скорее писателем, унаследовавшим эпос манас, сказателем. Смее предположить, что русская вселенская катастрофа трех революций – в последней (развала СССР) пресекли его физическую жизнь, столь неожиданную в развертывании таланта. Развертыванию, несомненно, в трагедийном аспекте: мир вступил в полосу апостосии, тотального разрушения. Ч.Айтматов вращался в кругу выдающихся мастеров культуры России и мира. О том, что Пушкин был первоосновой его языкового и промыслительного дара можно судить по статьям, посвященным Пушкину: «Кто полюбит Пушкина, полюбит и русский язык», «О Пушкине». Его публицистика остается актуальнейшей по мотивам и основу, как равновеликому и признанной мудрости поэтов Востока¹².

В России, которая «стало совсем другой» живут русскоязычные писатели наших дней, люди раскованные от предрассудков и предпочитающие русский язык творчества. Исполнить им. В этом они точно не ошибаются. В одном из последующих номеров «АИФ» (продвинутой) и распространенной) – интервью с писательницей Диной Рубиной, лауреата российской премии «Большая книга» за 2007 год. Фразы из интервью: «Человек – это такая каша, такая бездна, которой лучше не подыскивать никаких определений... Тошнит от слова менеджер... В России, слава богу, по-прежнему стремятся бегать глазами по строчкам, я совершенно убеждена, что бумажную книгу не заменить ничем»¹³. Если учесть, что поэты и участвующие в «деле поэзии» люди – это не континент, а вселенная людей, то как можно отыскать формулу, определяющую ее природу и статус? Она, несомненно, в ее вне окончательного втискивания ее в исследовательские рамки. Тогда можно сказать просто: сколько поэтов, столько и поэзии в мире. А обратившись к богам поэтического слова, увидишь лишь имена, написанные на Скрижалях. Поэзия не поддается лишь умственный расшифровке. Святой

праведный Иоанн Кронштадский так определил человека в дневнике: «Он – святая троица: ум – отец, сын – воля, душа – Дух»¹⁴.

Обращаясь к поэтическому слову, мы (наконец!) смотрим в собственный мир, как в «бездну», которую не возможно уложить в логические определения, отсюда – насущная необходимость погружения в «стихию» слова. Бессмертный Ф.М.Достоевский, пройдя дорогами человечества, в том числе (как Данте) и «Мертвый дом» каторги открыл миру (пророческим словом) «бездну» индивидуального мира человека. Русский Данте, Достоевский «соединил» переживаемый мир с «посоянным», «загробным» и обратил мир к индивидууму с невиданным никогда реализмом. Сотворив свою речь о Пушкине в связи с открытием памятника поэту в Москве, он умер почти сразу же, спустя малое время (1881) – исполнил свою пророческую миссию на земле. Это больше, чем просвещение, это поэзия над поэзией. Тем самым по утверждению: поэзия – неисчерпаема, поэт – не исключаем из бытия.

Если человечество сторонится упреждающего слова, священство, то оно не может отбросить по всем условиям влияние поэзии. Все его институты ослаблены и загрязнены. Пророческая миссия поэзии проявилась на переживаемом этапе жизни планеты слишком обнаженно и очевидно: это не выставочная или ярмарочная сфера, но – всепронизывающая. Время обещаний и самообещаний отошло, самое время вспомнить все колыбельные песни всех народов мира с их божественной наивной простотой... Когда еще псалмопевец Давид начертал свою книгу покаяния – она не устарели, не обветшала ни одним словом (как души наши), а заключающиеся страницы Псалтири не стало ли ныне наравне со шкатулкой святого Пантелеймона? А обращение к Псалтири не стало ли школой целомудрия всего человечества?

¹² Айтматов Ч. В соавторстве с землей и водою. Очерки... статьи... беседы... интервью. Фрунзе, 1979.

¹³ «И пусть человеку будет хорошо» // Аргументы и факты. 2004. №42. С 56.).

¹⁴ Святой праведный Иоанн Кронштадский. Дневник. Все и во всем Бог. Возлюби ближнего своего, как любил. Том 5. 1863 – 1864.

Что делать нам с «бессмертными стихами»? К.Б.Саркисян, г. Самара

*«Белые строчки березовых роц, –
Это снега и жасмин...»
– скажи, Клара, это стихи?
то бабушка говорит, что нет.
(Из разговора с соседкой-первоклассницей,
юной поэтессой Олечкой Пушкиной)*

Универсальной и полисемантической формой познания всегда было и будет эссе слово. Мы обращаемся к той части речи, которая именуется Поэзией, помня, что она есть «лучшие слова в лучшем порядке» (Кольридж) и может рассматриваться как смысловой и звуковой, то есть музыкальный аналог Мира. Явленная, овеществленная красота, которая всегда есть в «бессмертных стихах», может рассматриваться как «лингвистическое обоснование» мира (И.Бродский), и, что более существенно, как проявление себя в мире.

Слово художественное и поэтическое как одна из форм существования человеческого опыта, наделено такими «полномочиями», которые трудно переоценить. И эта особенность поэтического слова (свойство механизма «включающего» и «запускающего» творческое воображение) чудесным образом проявляет в каждом человеке не только скрытые свойства, но и тип его душевной организации. Чем выше душевный строй и богаче тезаурус, тем точнее, сконцентрированней и весомей слово. Так метафизическая «формула» жизненных координат может быть сформулирована с изысканной ясностью и полнотой всего несколькими словами: Человек создал свое гнездо между землей и небом, между жизнью и смертью и между двумя временами – наличным и вечным... И эти слова принадлежат Борису Пастернаку.

Поэзия – езда в незнаемое – в нашем опыте «читается» буквально. Что может быть воплощено в звучащем поэтическом слове, кроме самого слова? Мы... Мы «проговариваемся» интонируя, «проявляемся» как на переводной картинке, во множестве подробностей, которых никакой рассказ о себе дать не может. Стихи подобно волшебному фонарю высвечивают тайные тайны «внутреннего» человека, как если бы срабатывал какой-то механизм по «подъему» человека из обыденной жизни на высоту «заказанную» стихом. При этом автоматически включается «антропологический код», который включает в себе

всю информацию о состоянии человека: многомерного, сложноподчиненного, противоречивого и очень часто недоступного самому себе. Стихи, это не жанр, а мироощущение, заметил как-то Андрей Тарковский. Но можно сказать, что стихи это еще и диагноз:

Свет, что любовь моя дарит, со мной,
Тревоги ушли, в прошлом весь беспокой.
Вера получает,
Любовь дает.
Никто не сможет дать без любви,
Получить без веры.
Поэтому, чтобы получить, мы верим,
А чтобы воистину дать, мы любим.
Что если некто дает без любви?
Нет ему пользы от того, что он дал.
(Людмила Караблина «Книжка чудесная...»)

В наш прагматический век культурными ценностями может заниматься человек, которого неотвратимо влечет к роскоши... Когда бы вы знали из какого сора растут Стихи... Так что же делать нам с «бессмертными» стихами? – «ни съесть, ни выпить, ни поцеловать».

До тех пор пока у пишущих не возникнет неутолимая жажда пить из чистых родников русской поэзии, рифмованный словесный мусор будет транслироваться в мир. Появление и широкое тиражирование таких сборников по сути является аномальным явлением нашей культуры. Создается впечатление абсолютной зомбированности некоторых авторов. Они манипулируют такими понятиями как Духовность, Духовная сила, Всевышний, Божий дух, Любовь, Красота...не отдавая себе отчета в том, сколь высока ответственность человека, взявшего в руки перо.

«Писать – это подвиг» – признается Бэлла Ахмадулина, отрицая всякую возможность «петь на показ» и «и провиниться в обмане».

В реальной педагогической практике автора этой статьи разработан спецкурс - «Музыкально-поэтическая антропология». Основной пафос предмета заключается в усвоении русской поэзии через озвучивание певучих стихов и артикулирование смыслов. В любом случае такая практика имеет не только образовательное, воспитательное и иные значе-

ния. Она дает студенту опыт творения самого себя и мира вокруг, являясь психологической лабораторией жизни. Таким образом, опыт сценического слова, движения, погружение в глубины человеческих отношений, в эмоции, в музыку интонаций позволяет породниться с окружающим миром.

Я видел с неба павшую звезду
Она летела, пламенем сверкая,
И рассекала в клочья темноту
И эта тьма была как кровь густая.

Она летела вниз, стремглав, к земле,
Навстречу гибели своей, спасенья ради.
С небес сорвавшись, вся была в огне,
Пронзая ночь, бросая света пряди.

И я горю, я с ней огнем объят,
Одним огнем, с крыла слетевшим.
И я лечу с небес, во тьме распах
От света истинной любви ослепший.
(Егор Шагалов. Студент 2 курса ИХО СамГПУ)

«Из слов – если с ними бережно обращаться – можно, будто из кирпичиков, выстроить мост через бездну непонимания и хаоса... Я не считаю писателя святым, но слова для меня святы. Они заслуживают уважения. Отберите ненужные, расставьте в нужном порядке – и в мире что-то изменится» (Том Стоппард).

Счастье и его ментальная составляющая. Представление о счастье в российском менталитете *И.А. Джидарьян, г. Москва*

Цель данной статьи – взглянуть на проблему счастья через призму российской ментальности, попытаться раскрыть русскую «бытийность» счастья в связи с духовными традициями и национально-психологическими особенностями русского народа, самобытности его судьбы и исторического существования в мире. При этом мы исходили из идеи о том, что счастье как феномен культуры и выразитель состояния народного духа, напрямую связанный с миром ценностных отношений и приоритетов, верований, представлений народа о высшем и желанном, а также со сложившимся особым типом умонастроения и восприятия мира и т.д., является важнейшей составляющей, необходимым компонентом структуры любого менталитета, в том числе, конечно, и российского. Подобная ментальная ориентация нашего исследования вызвана не только, а возможно и не столько желанием следовать актуальному, если не сказать даже модному в последние годы направлению отечественной общественной мысли, связанному с понятием менталитета и его российских особенностей, сколько внутренней логикой собственных теоретико-эмпирических исследований.

Началом этого интереса и всей последующей разработки психологии счастья в связи с проявлениями российского менталитета послужило конкретное экспериментальное исследование проблемы совладающего поведения и выбора определенных стратегий и способов преодоления трудностей, которые возникают в различных жизненных ситуациях

людей. В рамках этого исследования нам показалось интересным включить в него дополнительный фактор, связанный с удовлетворенностью жизнью и субъективным ощущением счастья. Получение результатов позволили провести сопоставительный анализ наших данных с соответствующими материалами зарубежных авторов, методику которых по совладающему поведению мы использовали. При этом сопоставлении были выявлены некоторые особенности в сознании и поведении россиян по сравнению с теми, которые были получены в западных странах, в частности США. Отсутствие конкретного эмпирического материала по проблеме счастья и удовлетворенности жизнью в современной отечественной литературе сделало необходимым продолжить начатые эмпирические исследования в интересующем нас направлении. Одновременно с ними на историко-культурологическом материале изучались особенности восприятия и представления счастья в русском самосознании. При этом общая стратегия предпринятого нами исследования была ориентирована не столько на поиск того, что отличает русский народ от других народов и как бы демонстрирует его «инаковость» (это лишь вторая, как бы «рабочая», но не стратегическая исследовательская задача), сколько выявление того, что является для него особенно характерным, наиболее типичным и глубоко укорененным, а следовательно, и национально-индивидуальным в вопросах счастья. Такая стратегия позволяет увидеть общечеловеческое не столько через призму от-

дельных различий, сколько через богатство его конкретных национальных форм, возвышающихся до общечеловеческих значений.

Подобная постановка вопроса отвечает и традициям русской философской мысли, для которой тема «русскости» – это не темы исключительности, особого предназначения или избранности русского народа, а тема его самобытности, исторических корней и духовных оснований развития. Как справедливо подчеркивал в своих работах Н.Бердяев, а еще раньше В.Г.Белинский, развитие и обогащение всечеловеческого достигается через глубину и богатство национальных индивидуальностей и культур, как и наоборот. Другого исторического пути их развития нет, и быть не может [9, с.94; 1, с.45].

Как известно, в российской истории тема национального самосознания и исторической судьбы народа возникала не раз, обостряясь в переломные эпохи социальных преобразований и общественных потрясений, глубоких реформирований и водоворотов. Опасность таких периодов, как не без оснований утверждал Н.О.Лосский, состоит в том, что тяжелые годы внешних и внутренних потрясений истощают силы народа, и, сколь бы ни был могуч его национальный характер, у него «в такие периоды может развиваться недоверие к себе и опасная подражательность» [7, с.324].

Сегодня российское общество вновь переживает тяжелый период своего развития: оно на распутье, растеряно, не знает четких ориентиров и перспектив на будущее. Однако вместо переосмысления и критического использования своего собственного развития, снова перечеркивается и обесценивается многое из того, что было нашим недавним прошлым, определяло наши идеалы, ценности, святыни и стало достоянием духовного опыта и исторических переживаний народа. Поэтому акцент на ментальной составляющей счастья в нашем исследовании помимо своей научной значимости дает возможность выразить и глубокую озабоченность драматической ситуации, в которой на рубеже столетий оказалось и российское общество в целом, и российский менталитет с его представлениями о человеческих ценностях вообще, и счастья в частности. И действительно за последние годы стало совершенно очевидно, что развал социалистической системы и великого союзного государства под общие разговоры о перестройке и рыночных реформах помимо экономической разрухи и финансовой зависимости от развитых стран Запада и между-

народных валютных фондов грозит народу еще и потерей его духовной «безопасности», утратой ценностных и культурогенных потенциалов, угасанием самосознания. Очередная утопия осчастливить в ближайшее время российский народ капиталистическим благодеянием, неким потребительским «раем» на деле обернулась для большинства людей не только полунищим существованием, но и упадком нравственных сил, внутренним ожесточением, безысходностью, при которых начинают распадаться и традиционная русская всеотзывчивость, доброжелательность, сострадательность и другие привлекательные качества. Подобно «шагреновой коже» из одноименного романа О.Бальзака, все больше сжимается то необходимое позитивное пространство жизни, которое обычно поддерживает веру и оптимизм в людях, без которых русский человек, если прислушаться к мнению Достоевского, «дрянь».

Драматический характер современного российского кризиса, особенно духовного, не может не вызывать у многих наших соотечественников чувства крайней обеспокоенности и тревоги, желание что-то предпринять, как-то отреагировать и воспротивиться всем тем деструктивным процессам и силам, которые неминуемо разрушают исторический потенциал страны, делают проблематичной саму возможность её достойного существования и развития как великого государства. Этим чувством руководствовались и мы в своем исследовании, отстаивая духовный «суверенитет» и «самобытный лик» (И.А.Ильин) русского народа, сознавая губительное для его менталитета сползание страны в болото потребительского самодовольства, циничного эгоизма и опустошительной вседозволенности.

На конкретной проблематике счастья мы пытаемся, в частности, противопоставить различным прагматично-рыночным, духовно-приниженным формулам счастья, для которых сегодня широко распахнулись двери страны, подлинные ценности человеческой жизни, заложенные в архетипе русского сознания и выражающие наиболее ценные черты национального характера русских. Сформированные тысячелетним историческим опытом народа, апробированные в трудах и жертвах многих поколений людей, они несут в себе необходимую для «самостоянья» (А.С.Пушкин) человека нравственно укрепляющую силу, направленную вверх, а не вниз – в духовные пустоты и темные расщелины бытия.

В новой системе ценностей, которая изначально была заложена в курсе реформ и которая под давлением официальной пропаганды и средств массовой информации все глубже проникает в сознание и сферу взаимоотношений людей, счастье начинает восприниматься прежде всего как удача, успех, обладание, где все в конечном счете решают деньги. Например, исконно русскому представлению о том, что «не в деньгах счастье» уже найден и широко противопоставляется другой, альтернативный принцип – «не в деньгах счастье, а в их количестве». Современным сторонникам больших денег, как и их «счастливым» обладателям за счет различных способов «отъема» у других, будет небесполезно напомнить, что деньги на Руси не только никогда не абсолютизировались, а напротив, вызывали в народе недоверие, чувство тревоги и опасности, ибо – это «от черта, это болото, а там кикиморы живут» (А.М.Панченко).

С незапамятных времен уверовал русский человек – и без всякого чудачества, имея на это веские основания – в греховную, нечистую силу денег, особенно больших денег. И это убеждение нашло отражение в народном фольклоре, во многих национальных обычаях, приметах, обрядах и т.д. Об одном из них – «чертогоне» (буквально «изгнание беса»), – ныне уже практически забытым, но в свое время очень почитаемым в среде московского денежного купечества, напоминает нам одноименный рассказ писателя Н.С.Лескова. Глубокий знаток исконно русских нравов, в особенности московской старины, он с большим мастерством и знанием дела рассказывает о многих из них в своих произведениях, в частности, в «Чертогоне». О настороженном отношении на Руси к деньгам как к чему-то опасному и недоброму свидетельствует также одна давняя и практически уже забытая народная примета, согласно которой нахождение клада считалось дурным знаком, предвестником беды и несчастья. Причем, чем весомее был этот клад, тем опаснее и страшнее казалось будущее нашедшему его человеку. Уместно в этой связи напомнить и о глубоком убеждении нашего национального и всемирно признанного авторитета, человека мудрых мыслей и большого жизненного опыта, писателя Л.Н.Толстого, что богатство не может быть праведным. Такого же мнения придерживался и А.П.Чехов [12, с.38], а наша любимая советская актриса Ф.Раневская в свойственной ей афористической манере

могла повторять, что деньги мешают и когда они есть и когда их нет.

Конечно, менталитет русского народа, как, впрочем, и многих других европейских народов, формировался под влиянием евангельской притчи о том, что легче верблюду пройти через игольное ушко, чем богатому попасть в рай. Но нигде, пожалуй, отношение к богатству и связанному с ним накопительству и ростовщичеству как к несправедливому делу не приобрело характер такой искренней и непоколебимой веры, не укоренилось так прочно в глубинах сознания как у нашего народа. «Я так понимаю, – говорит один из героев А.П.Чехова, – ежели какой простой человек или господин берет даже самый малый процент, тот уже есть злодей. В таком человеке не может правда существовать» [11, с.215].

Об устойчивости этого стереотипа в национальном самосознании русских свидетельствует и современные представления россиян о богатстве и его приобретении, содержание которых принципиально не изменились за последнее десятилетие проводимых в стране разрушительных реформ. Исследования показывают, что лишь меньшинство наших граждан, как это и не парадоксально может показаться на первый взгляд, хотели бы оказаться на месте самых богатых людей России. По-видимому, это связано с тем, что значительная их часть убеждена в том, что в нынешней России люди становятся богатыми исключительно за счет «воровства, разграбления страны» (41%), а также «злоупотребления своим служебным положением, взятки, коррупции» (40%) или «жульничества, обмана других» (39%) и другими нечестными путями. Одновременно с представлениями о несправедливости богатства российское сознание по-прежнему отказывается верить в возможность существования «трудолюбивых, талантливых и удачливых» богачей. Способных в это поверить среди опрошенных оказалось только 9% (3).

Наряду с культом денег и поклонения «золотому тельцу» сегодня в российское сознание активно внедряется еще один, не менее сомнительный, а по сути хищнический и весьма агрессивный принцип счастья – «Бери от жизни все», «Лови момент», «Не упустит свой шанс», «Сорви удачу» и т.д. С экранов телевизора, этого нового идеологического монополиста, не сходят рекламные ролики с примитивными сюжетами и представлениями о счастье. Например, симпатичные, сияющие от блаженства юноши и девушки уверяют в

том, что «когда я жую жвачку, моя душа поет» или «Окна Бамо. Счастье – вот оно!!!», что «счастье – это просто: выпил и порядок!»

Одновременного с пропагандированием такого «хватательного», «жвачно-рамочного» и напиточного счастья всех нас пытаются убедить в том, что быть счастливым или несчастливым – это наша частная и сугубо личная проблема и что ни общество в целом, ни новые порядки и условия жизни, ни тем более власть, ответственная за эти самые порядки и условия, не причастны ко всем нашим бедам, сломанным судьбам, душевным изломам. За неимоверно короткий срок произошло беспрецедентное и чрезвычайно опасное по своим последствиям для целостности национального самосознания и чувства идентичности россиян разделение общества на малочисленное «мы» – политическая и денежная верхушка, быстро почувствовавшая себя чем-то вроде «элиты», «хозяев» и новых «властителей» жизни – и на «они», включающих в себя все остальное многомиллионное население страны или народ в целом.

В социально-экономическом положении русского народа, который на протяжении всей истории государства российского по праву считался героическим и великим, за последние годы произошли такие социальные изменения, которые сделали возможным говорить о нем, особенно о старшем поколении, в оскорбительном тоне, используя обидные и некорректные слова и выражения – «быдло», «придурки», «красно-коричневые», «коммуныги», «коричневая харя» и др. Причем все это произносится, особенно в 90-е годы прошлого века, публично, с нескрываемым высокомерием и презрением и, что особенно приискорбно, не рядовыми гражданами, а некоторыми известными политиками, должностными лицами, а также журналистами, представителями художественной интеллигенции либерально-западнической ориентации.

Многим памятно, например, оскорбительное для национального самосознания страны интервью, которое дал американской радиостанции в конце 90-х годов один из её бывших вице-премьеров в период «шоковой терапии», ответственного за проведение пресловутой ваучеризации и хитроумной приватизации государственной, всенародной собственности по модели Чубайса-Гайдара. С поражающим цинизмом и откровением он заявил, в частности, о том, что многострадальный народ сам виноват в своих страданиях и

что этот народ по заслугам пожинает то, что он плодил.

Нет смысла комментировать эти немного запоздалые признания высшего должностного лица государства в нелюбви к стране, народу. В качестве контраста хотелось бы только привести другие слова, сказанные задолго до этого нашим известным русским писателем Н.С.Лесковым и весьма актуальные сегодня: «Понимать свое время и уметь действовать в нем сообразно лучшим его запросам – это не значит раболепствовать воле масс; нет, это значит только чувствовать потребность «одной с ним жизнью дышать и внимать их сердце трепетанью» [6, с.439]. Именно так, как говорил Н.С.Лесков, – трепетно и в унисон с народом – билось всегда сердце русской поэзии в лице её самых достойнейших представителей, для которых «доля народа, счастье его» были, как для Н.Некрасова, превыше всего другого. В этих стихах нет не только какой-либо нотки противопоставления себя народу, тем более позиции превосходства и высокомерия, но и нейтральности, благодушия, а есть естественный порыв любящего сердца навстречу человеческому горю простых людей, есть чувство единения с народом в его страданиях, есть одна общая боль и крест, выпавший на его долю.

«Старая русская интеллигенция, – как бы не в пример нынешней, писал несколько десятилетий тому назад Г.П.Федотов, – была исполнена сознанием своей миссии и своей выделенности из толпы. Выделенности не для привилегий, а для страданий и борьбы» [10, с.221]. И далее он говорит проникновенные слова о том, что достоинство интеллигенции – не в противопоставлении ее народу и что она должна по-прежнему склоняться перед нищим и страдальцем. Этой духовной российской традиции надлежало бы следовать всем тем, кто причисляет себя и сегодня – вольно или невольно, заслуженно или незаслуженно, скрытно или явно – к элите общества, считает себя представителем интеллигенции.

Трудное историческое время, которое переживает в последние годы российское общество, тревожные размышления и чувства, которые вызывает оно у многих наших соотечественников, невольно воскрешают в памяти один символический образ из повести Л.Н.Толстого «Хаджи-Мурат». Это образ «раздавленного репья среди вспаханного поля» и выброшенного на обочину дороги его ярко распустившегося цветка. С него начинается, как известно, дальнейшее повествование

одной давней кавказской истории со смертью главного героя, которая вспомнилась писателю по ассоциации с погубленным цветком репейника: он, такой прекрасный в своем естестве, на родном кустарнике и такой весь жухлый, аляповатый, сразу увядший, как только его от стебля отодрали. В конце концов, цветок репья пришлось просто выбросить, поскольку своей грубостью он никак не вписывался в букет из других полевых цветов и уже не казался «так свеж и красив», каким выглядел вначале.

Повесть «Хаджи-Мурат» создавалась в один из сложных периодов российской истории, связанный с поражением в Крымско-турецкой войне. И, возможно, пораженческие настроения, охватившие тогда передовую русскую общественность, уязвленное чувство национального достоинства и общая подавленность, вызвали в творческом сознании писателя этот емкий, многозначительный образ цветка-репейника, который представляется таким созвучным сегодняшнему состоянию и мироощущению российского общества.

Созданный нашим великим соотечественником более века тому назад этот объемный художественный образ таит в себе и некий пророческий смысл, который легко улавливается читателем в следующих заключительных строчках писателя: «Когда я наконец, оторвал цветок, стебель уже был весь в лохмотьях, да и цветок уже не казался так свеж и красив. Кроме того, он по своей грубости и аляповатости не подходил к нежным цветам букета. Я пожалел, что напрасно погубил цветок, который был хорош в своем месте, и бросил его. «Какая, однако, энергия и сила жизни - подумал я, вспоминая те усилия, с которыми я отрывал цветок. – Как он усиленно защищал и дорого продал свою жизнь» [8, с. 22] .

Не так ли сегодня и с нами? Удастся ли нам, как стране, как единому и великому народу удержаться на родной почве и на собственном «стебле», отстоять национальное достоинство и право самим определять свою судьбу и направление исторического развития? Хватит ли внутренних сил и воли сохранить свою самобытность, противостоять агрессивному натиску заокеанской ментальности и не раствориться, не исчезнуть в ее пучинах? Не сотрется ли из исторической памяти народа его уникальный духовный опыт, созданный и завещанный нам предшествующими поколениями русских людей со всеми своими национальными особенностями

и культурными традициями, характерными нравами, святынями и ценностными ориентирами? Или подобно цветку репейника из повести Л.Н.Толстого, сорванного и выброшенного на край пыльной дороги, также окажемся и затеряемся на обочине мировой истории?

Конечно, никто ответов на все эти вопросы с достоверностью сегодня не знает. И загадывать тоже нет смысла. Россия – единственная страна, у которой, по общему признанию, не только будущее, но даже и прошлое непредсказуемо. Однако утешает и обнадеживает сознание того, что в самые разные и не менее трудные для страны и народа исторические времена лучшие и авторитетные люди России всегда верили, продолжая верить и сейчас, несмотря на смутное и очень трудное время, в неминуемое прозрение и новое возрождение своего отечества. И как теперь мы об этом достоверно знаем, ни разу не обманулись в своих оптимистических ожиданиях, поскольку после тяжелых испытаний и потрясений, как писал И.А.Ильин на основе своего исторического анализа, народ с тысячелетним прошлым отвечает «возвращением к своей духовной субстанции, восстановлением своего духовного акта, новым расцветом своих сил»

Поэтому в качестве заключения, несмотря на все волнующие чувства тревоги и неопределенности в отношении современного состояния страны и развития ее духовного потенциала, хотелось бы присоединиться к оптимизму известного русского мыслителя Г.П.Федотова, который в годы вынужденной эмиграции и будучи, глубоко озабоченным судьбой большевистской России, на вопрос: «Будет ли существовать Россия?», ответил не простым успокоительным: «Будет!» а более конкретно: «Это зависит от нас. Буди! Буди!» [9, с. 184] .

Так и сегодня, именно от нас, от нашей личной позиции, связанной с чувством непосредственной причастности к российскому менталитету, а также осознания его общемирового значения и необходимости сохранения и развития в новых социальных условиях национально-духовных традиций и уникального опыта русского народа, будет зависеть и наша судьба как великой страны и великого народа.

Литература:

1. *Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений в 13 т. Т.7, М., 1953.
2. *Бердяев Н.* Судьба. М., 1990.
3. *Бетанели Н.* Зеркало // «Московский комсомолец», 5 мая 1997. С.4.

4. <i>Джидарьян И.А.</i> Представление о счастье в российском менталитете – СПб., 2001. 5. <i>Ильин И.А.</i> наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948 – 1954 гг. В 2-х т. Т.1. М., 1992 6. <i>Лесков Н.С.</i> Собр. Соч. в 11 т. Т.6, М., 1957. 7. <i>Лосский Н.О.</i> Условия абсолютного добра. М., 1991. 8. <i>Толстой Л.Н.</i> Повести и рассказы. М., 1956.	9. <i>Федотов Г.П.</i> Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии, русской истории и культуре. В 2-х т.Т.1. СПб., 1992. 10. <i>Федотов Г.П.</i> Судьба и грехи России. Т.2. СПб., 1992. 11. <i>Чехов А.П.</i> Сочинения в 18 т. Т.9, М., 1985. 12. <i>Чехов А.П.</i> Соч. в 18 т. Т.17. М., 1987.

100 «рецептов» счастья
(мысли выдающихся людей и наших современников)
С.М.Бондаренко (Москва)

Счастье других

1. Не многие из нас могут вынести счастье – разумею, счастье ближнего.
(М.Твен)
2. Наша зависть всегда живет дольше, чем чужое счастье, которому мы завидуем.
(Ф.Ларнифуко)
3. Наше общество устроено так, что счастье в нем выглядит подозрительно.
(Ж.Бернанос)
4. Если бы желать только быть счастливым, то это скоро можно достигнуть. Но люди желают обыкновенно быть счастливее других, а это почти невозможно, потому что мы считаем других всегда более счастливыми, чем они есть на самом деле.
(Ш.Монтескье)
5. Если наше счастье огорчает кого-нибудь, оно кажется нам оттого во сто крат дороже.
(О.Бальзак)
6. Счастье не делает человека добрым. Такое заключение выносишь по поводу чужого счастья.
(Ж.Ренар)
7. О своем счастье надо говорить осторожно, и признаваться в нем, как признаются в воровстве.
(Ж.Ренар)
8. Никто так не смущает, как счастливый человек... Парадокс, но учителя не любят счастливых учеников. Вероятнее всего потому, что в подсознании: если счастливы, то свободны, другим словами независимы от нас. А мы так хотим, чтобы в нас нуждались! Мы сами, несчастливые в личной жизни и убежденные, что счастье – не самое главное, на самом деле завидуем им и ревнуем к тем, с кем они счастливы. И они, чувствуя наше внутреннее неудовольствие, стесняются при нас быть счастливыми, и обычно исчезают из нашего поля зрения, когда «на седьмом небе».
Любить же их бескорыстно – значит, любить счастливыми. Ибо главная учительская корысть – их нужда в нашей помощи, их зависимость от нас.
(А.Бернштейн)
9. Из интервью с М.Ростроповичем. На вопрос корреспондента, почему у нас так не любят талантливых и честных, Ростропович ответил:
– Не могут пережить счастье человека. В России счастливый человек вызывает неизменный вопрос – почему он, а не я?

Счастье в гармонии с собой

1. Никто не может быть счастлив, если он не пользуется своим уважением.
(Ж.Руссо)
2. Счастлив тот, кто устроил свое существование так, что оно соответствует особенности его характера.
(Ф.Гегель)
3. Тот счастлив, кто живет в условиях, соответствующих его темпераменту, но тот более совершенен, кто умеет приспособлять свой темперамент к любым условиям.
(Д.Юм)
4. Я не считаю, что счастье – это нечто такое, за чем нужно постоянно гоняться. Скорее всего, это состояние внутренней свободы, свободы от тревог, сомнений в себе, страхов, слепого подчинения привычке и обществу, соревновательной борьбы, благоговения перед авторитетами и зависти к другим людям. Итак, не ждите, что кто-то «сделает вас счастливым».
(Дж. Рейнуотер)
5. Человек, находящийся в гармонии с самим собой (а это значит максимально использовавший отпущенное ему природой), по-своему счастлив. И, наоборот, глубоко несчастен тот, кто явно завысил планку, через которую никогда не перепрыгнуть и это обрекает его быть вечным неудачником. А завышенную планку для ученика часто устанавливает учитель, и в этом наша ошибка.
(А.Бернштейн)
6. Нельзя быть счастливым, постоянно подавляя себя и реагируя на события, неадекватно своему Я.
(А.Окунев)

Много ли нужно для счастья?

1. Помните об этом: очень немного нужно, чтобы сделать жизнь человека счастливой.
(М. Аврелий)
2. Богатство – вещь, без которой можно жить счастливо. Но благосостояние – вещь, необходимая для счастья.
(Н.Чернышевский)
3. Быть счастливым – значит не желать того, что нельзя получить. (В.Ключевский)
4. Как мало человеку нужно для счастья. Как много – чтобы он об этом догадался.
(В. Верховский)
5. Я подумал: как мало в конце концов нужно человеку для счастья, когда счастья нет, и как много нужно, когда оно появляется.
(К.Паустовский)

В одиночестве или среди людей?

1. Никогда счастье не ставило человека на такую высоту, чтобы он не нуждался в друге.
(Сенека)
2. Ницше писал о Заратустре:
- ...Стал перед солнцем и так говорил к нему: «Великое светило! К чему свелось бы твое счастье, если бы не было у тебя тех, кому ты светишь!»
3. Ни в чем я не нахожу такого счастья, как в душе, хранящей память о моих добрых друзьях.
(Шекспир)
4. Лучшее средство хорошо начать день состоит в том, чтобы, проснувшись, подумать, нельзя ли хоть одному человеку доставить сегодня радость.
(Ф.Ницше)
5. А разве счастлив, кто счастлив один?
(Г.Державин)
6. Если одно-два приветливых слова могут сделать человека счастливым, надо быть негодяем, чтобы отказать ему в этом.
(Т. Пейн)
7. Самый верный способ добиться счастья для себя – это искать его для других.
(Мартин Лютер)
8. Поверь мне, счастье только там,
Где любят нас, где верят нам.
(М.Лермонтов)
9. Многие ошибочно полагают, что можно быть счастливым только тогда, когда вами восхищается большая группа людей; важно, чтобы вами восхищался небольшой круг ваших знакомых.
(Андре Моруа)
10. Только среди людей человек может ощущать себя человеком и быть счастливым.
(Э.Э. Линчевский)
11. Наверное, я человек общительный, у меня всегда народ, и в этом счастье.
(Л.Смирнова)
12. Как ни странно, чтобы люди могли быть счастливыми вместе, они должны научиться жить счастливо отдельно.
(Н.Козлов)
13. Я знаю многих, для кого скука – это когда кругом люди. Вот когда он один – он счастлив: он может размышлять, думать о жизни.
Я знаю жену: для нее посторонний человек – это бедствие. Для нее одиночество – это спасительно, это счастье.
(И.Раскин)

В настоящем, прошлом или будущем?

1. Счастлив тот, кто умеет не сожалеть о невозвратном.
(Античный афоризм)
2. При всех превратностях судьбы самое большое несчастье – быть счастливым в прошлом.
(Бозций)
3. Не оплакивай, смертный, вчерашних потерь,
Дел сегодняшних завтрашней меркой не мерь,
Ни былой, ни грядущей минуте не верь,
Верь минуте текущей – будь счастлив теперь.
(Омар Хаям, пер. Г. Плисецкого)
4. Нет ничего горше, чем вспоминать в часы невзгоды о счастливой поре жизни.
(Данте)
5. Молодость счастлива тем, что у нее есть будущее.
(Н.В.Гоголь)
6. У счастья нет завтрашнего дня, у него нет и вчерашнего, оно не помнит прошедшего, не думает о будущем, у него есть настоящее – и то не день, а мгновение.
(И. Тургенев)
7. Счастье – это то, что вы можете пережить только в настоящем, и неважно, чем вы при этом занимаетесь : подстригаете ли деревья в саду, нянчите ребенка, любуетесь закатом, беседуете с другом, пишете письмо или даже моете посуду. Для меня счастье – это понимание того, насколько полно, до забвения всего остального, я вовлечена в одно, совершаемое сейчас дело.
(Дж. Рейнуотер)
8. Когда вы ищете власти и возможности управлять другими людьми, вы растрчиваете свою энергию... Вы тратите энергию в погоне за иллюзией счастья вместо того, чтобы наслаждаться счастьем настоящего момента.
(Дипак Чопра)
9. Ожидание счастливых дней бывает иногда гораздо лучше этих самых дней.
(К. Паустовский)

Счастье человечества или счастье каждого человека

1. Счастье лежит на путях, общих всему человечеству.

(А.С.Пушкин)

2. Личное счастье невозможно без счастья других.

(Н. Чернышевский)

3. Чем за общее счастье без толку страдать –

Лучше счастье кому-нибудь близкому дать.

Лучше друга к себе привязать добротой,

Чем от пут человечество освободать.

(Омар Хайям)

4. Дороги к русскому ненастью

Текли сквозь веру и веселье;

Чем коллективной путь ко счастью,

Тем горше общее похмелье.

(И. Губерман)

5. Не в силах нас ни смех, ни грех

Свернуть с пути отважного,

Мы строим счастье сразу всех,

И нам плевать на каждого.

(И. Губерман)

Счастье творчества

1. Счастливы, кто первые идут по новому пути: хотя бы они сделали несколько шагов, их имена превозносятся.

(Вольтер)

2. Стихотворство –

озорство,

Дерзость,

вольность,

грех!

...Вероятно,

оттого

Мы счастливей всех!

(Б. Заходер)

3. Наука – творчество, а творчество дарит счастье и самим творцам, и тем, кто этому творчеству внимает.

(Д.С.Лихачев)

4. Что такое вдохновение? Счастье от реализованной возможности.

(Лев Дуров)

5. Для человека, который не здоров, жить – это счастье. Для человека, который здоров, счастье – быть любимым. Для человека, который любим, счастье – любить. Для человека, который любит, счастье – творить. Для человека, который творит, счастье – быть понятым.

(И. Чурикова)

6. Богат я! В моей это власти-

Всегда сочинять и творить,

И если не радость и счастье,

То что же мне людям дарить?

(М.Светлов)

7. Наверное, я счастлив оттого, что пою песни для людей.

(Вахтанг Кикабидзе)

8. Стихи – это чудо: что бы ни делалось вокруг тебя, - ничего не существует. Ты живешь еще не написанным, но уже звучащим в тебе стихотворением. Это состояние - великое счастье.

(Б. Чичибабин)

Счастье и несчастье

1. Если бог является отцом, то счастье – отчимом.
От счастья до несчастья один шаг, а от несчастья до счастья очень далеко.
(Еврейские пословицы)
2. Очень счастливые люди, равно как очень несчастные, одинаково склонны к черствости.
(Ш. Монтескье)
3. Только тот узнает счастье,
Кто печаль перенесет.
(Шота Руставели)
4. Счастье есть лишь мечта, а горе реально.
(Вольтер)
5. Какое счастье для несчастного, что у него есть вера в Бога.
(А. Рубинштейн)
6. И то, что мы называем счастьем, и то, что мы называем несчастьем, одинаково полезно нам, если мы смотрим на то и на другое, как на испытание.
(Л. Толстой)
7. Человек обязан быть счастлив. Если он несчастлив, то он виноват. И обязан до тех пор хлопотать над собой, пока не устранит этого неудобства или недоразумения.
(Л. Толстой)
8. Почти все несчастья в жизни происходят от ложного представления о том, что с нами случается. Следовательно, глубокое знание людей и здравое суждение о событиях приближают нас к счастью.
(Стендаль)
9. Душа, никогда не страдавшая, не может постичь счастья!
(Ж. Санд)
10. Несчастье ускользнуло от тебя; наслаждайся же этим, как счастьем своим!
(Ф. Ницше)
11. Когда мы счастливы, мы всегда добры; но когда мы добры, мы не всегда счастливы.
(О. Уайльд)
12. Тайна наших несчастий в том, что у нас слишком много досуга для того, чтобы раздумывать, счастливы мы или нет.
(Б. Шоу)
13. Счастье начинается с ненависти к несчастью, с физиологической брезгливости ко всему, что искажает, уродует человека, с внутреннего отталкивания от всего, что ноет, стонет, вздыхает...
(М. Горький)
14. Финалом одного душевного разговора был мой вопрос: «Правда, я несчастна?». А Осип Эмильевич (Мандельштам) так внимательно, серьезно на меня посмотрел и сказал: «Да, вы несчастны, но знаете? Иногда несчастные бывают очень счастливыми».
(Из воспоминаний Э. Герштейн)
15. И я со счастьем никогда не спорю,
И все ж, отдать большую дань годам,
Я верен человеческому горю,
И я его вовеки не предаю.
(М. Светлов)
16. Это счастье – дворец возводить на песке,
Не бояться тюрьмы и сумы,
Предаваться любви, отдаваться тоске,
Пировать в эпицентре чумы.
(И. Губерман)

Искусство и природа

1. Мне лично ощущение высшего счастья дают произведения искусства. В них я черпаю такое духовное блаженство, как ни в какой другой области.
(А. Эйнштейн)
2. Сейчас слушала «Карнавал» Шумана по радио, плакала от счастья. Пожалуй, стоит жить, чтобы такое слушать.
(Ф. Раневская)
3. Вдалеке чернеют деревеньки, кричат сороки, алеют на кустах снегири, и надо твердо знать, что это и есть счастье, о котором я когда-нибудь вспомню с тоской, нежностью, болью.
(Ю.Нагибин. Дневник)
4. Природа, мир, тайник вселенной,
Я службу долгую твою,
Объятый дрожью сокровенной,
В слезах от счастья отстаю...
(Б. Пастернак)
5. Я шел по заросшей колее и был счастлив, как всегда в лесу, когда я один.
(Ю. Нагибин. Дневник)
6. Господи! Чем я отвечу
 Счастью, врученному мне-
 Ветру, что рвется навстречу,
 Сумраку, свету, волне?
(В. Рыбаков)
7. Любовь к опере – это и есть счастье.
(Б. Покровский)
8. Драгоценной летучей пеной над морем страданья возникают все те произведения искусства, где один страдающий человек на час поднялся над собственной судьбой до того высоко, что его счастье сияет, как звезда, и всем, кто видит это сиянье, кажется чем-то вечным, кажется их собственной мечты о счастье.
(Г. Гессе)
9. О счастье мы всегда лишь вспоминаем,
 А счастье всюду. Может быть, оно
 Вот этот сад осенний за сараем
 И чистый воздух, льющийся в окно.
(И. Бунин)
10. Разве можно видеть дерево и быть несчастным?
(Ф.М. Достоевский)
11. В Эрмитаже я впервые еще юношей почувствовал счастье быть человеком. И понял, как человек может быть велик и хорош.
(К. Паустовский)
12. Счастлив тот, кто, подобно мастеру, воплощающему в жизнь свой новый замысел, посвятил себя искусству.
(Акутагава Рюноскэ)
13. Какое счастье, что вокруг
 Живут привольно и просторно.
 Слова и запах, цвет и звук,
 Фактура, линия и форма.
(И. Губерман)

Человек сам кузнец своего счастья

1. Корень счастья – в самопознании и подвижничестве.
(Упанишады)
2. Счастье не птица – само не прилетит.
(Русская пословица)
3. Счастье или несчастье человека в основном является делом его собственных рук.
(Дж.Локк)
4. Счастлив тот, кто считает себя счастливым.
(Г.Филдинг)
5. Счастье – не какой-то божеский дар, а достижение, какого человек добивается своей внутренней плодотворностью.
(Э. Фромм)
6. Верь в себя, никогда не рассчитывай, что кто-то другой покажет тебе путь или сделает счастливым.
(Р. Бах)
7. Счастье не на стороне, дорогие мои, не на стороне, а внутри вас!
(М. Норбеков)
8. Трудно быть кузнецом своего счастья в чужой кузнице.
(Я. Вейрах)

Любовь – это счастье

1. Любить – это находить в счастье другого человека свое собственное счастье.

(Г.Лейбниц)

2. В жизни есть только одно счастье – любить и быть любимым.

(Жорж Санд)

3. Любовь юная, прелестная, поэтическая, уносящая в мир грез, - на земле только она одна может дать счастье!

(Н.Чернышевский)

4. Твое дыханье рядом.

Неужели

Я должен был седины заработать,

Чтобы понять – во всем подлунном мире

Единственная формула для счастья-

Лишь эти три необычайных слова:

Твое дыханье рядом.

(М.Кабаков)

5. Какое счастье – полюбить!

И это счастье, может стать,

Совсем не в том, чтоб близким быть,

Чтоб не забыть и не расстаться.

Когда полюбишь, то, ища

И удивляясь, ты впервые

Даешь названия вещам,

Творишь открытия мировые.

(Б. Чичибабин)

Чтобы дети были счастливы

1. Лучший способ сделать детей хорошими – сделать их счастливыми.
(О.Уайльд)
2. Великий педагог Антон Макаренко говорил, что в школе должны быть сильные мужчины и красивые женщины, тогда ребенок будет счастливым.
(газета «Управление школой»)
3. Какая деятельность дает счастье, радость, наслаждение человеческим общением? Куда нужно направлять физические и духовные силы детей? Детей нужно учить делиться радостями, трудностями, переживаниями. Нужно учить их творить, мечтать и беречь мечту. Общение облагораживает, если дети объединяются для творения красоты.
(В.А.Сухомлинский)
4. Но почему ребенок становится лодырем? Потому, дорогие товарищи, что он не знает счастья труда. Дайте ему это счастье, научите дорожить им — и он будет дорожить своей честью, будет любить труд.
(В.А.Сухомлинский)
5. Я рассказал подросткам содержание одной интересной книги... Нарисовал картину высшего счастья культурного человека – счастья общения с книгой.
(В.А.Сухомлинский)
6. Ребенок не может быть счастлив, если в школе ему скучно и плохо, если он не чувствует себя достаточно способным, что бы овладеть школьной наукой. Сделать ребенка счастливым – значит прежде всего помочь ему учиться. В школьных успехах, в самосознании силы ребенка – залог его счастливого детства; в школьных успехах – залог будущей счастливой, духовно насыщенной жизни.
(В.А.Сухомлинский)
7. Мастерство учителя состоит в умении учить детей думать. Это открытие вдохновило меня, я переживал необыкновенное счастье творческого вдохновения.
(В.А.Сухомлинский)
8. Давайте научимся быть счастливыми, и тогда мы сможем научить этому своих детей.
(Н.Иващенко)